

Виктор Рябинин

Былое сквозь думы

Книга 1

16+

Виктор Рябинин

Былое сквозь думы. Книга 1

«Автор»

2010

Рябинин В. Е.

Былое сквозь думы. Книга 1 / В. Е. Рябинин — «Автор», 2010

Первая книга «Бред сивой кобылы» не грустной тетралогии «Былое сквозь думы» рассказывает о приключениях молодого американца Дика Блуда в Индии и Африке конца XIX века. Герой, имеющий русские корни, постоянно попадет в безвыходные ситуации мирного и военного времени, но всегда с честью выходит из любой жизненной передрыги. Несмотря на сходство описываемых событий с историческими реалиями, не стоит опираться на них, как на факты. Лишь любознательный читатель, доверившийся страницам предлагаемых книг, способен преодолеть здравым умом все преграды на дальней и опасной дороге, ведущей нашего героя к понятной только ему цели.

© Рябинин В. Е., 2010

© Автор, 2010

ПРОЛОГ

ПОРА СОЗРЕВАНИЯ

Не так-то много правдивых и поучительных историй удаётся услышать зрелому человеку за свою жизнь, не говоря уже о неоперившейся молодежи. Поэтому всякому недорослю, взявшему в руки эти скромные записки, было бы пользительно не только перечитать их лишний раз, но и сделать на память выписки в дневник или в иную интимного свойства книжицу. И это, убелённому благородными сединами автору сих строк, доставило бы истинную радость просветителя, как пытливого юноши, так и чувствительной отроковицы.

Так укрепь же меня Господь, чтоб, не страшась собственной тени, провёл я осилившего грамоту человека по запутанным лабиринтам собственной жизни, доказуя мудрость поступками, а не велеречивостью. И пусть лишь голая правда прольётся с этих страниц на голову читателя, яко указующий свет головни безнадежно заблудшему в ночи путнику...

P.S. В связи с тем, что сии откровения заносились на бумагу в разное время половой зрелости и в любом состоянии трезвости автора, порой при блудном свете огарка свечи в будуаре дамы, нередко в неверном лунном мерцании на военном бивуаке, то они могут поверхностному читателю показаться неровными и путаными, как в исторической хронологии, так и в литературном смысле, однако никто не смеет упрекнуть летописца в искажении ложью фактов его героической жизни!

Мой папаша, матёрый ковбой, и приёмная мать, ветхозаветная фермерша, воспитывали меня в лютой строгости. Не покладая натруженных рук, они прививали ко мне любовь к патриархальному труду и кротости чем могли, никогда не скупясь на крепкое назидательное слово. И я рос не по годам сметливым ребёнком, а едва войдя в ум, уже сумел с выгодой для семьи сбыть кочующим конокрадам лучшего производителя из нашего табуна. На что мой родитель, далёкий от свободной коммерции христианин, смиренно откликнулся библейской проповедью и отеческим наставлением. Старый жеребятник, охаживая мои чресла сырмятной уздой, укорял при этом, как всегда, свою жену:

– Мэри, – наливался он яростью до краёв, – Мэри, от кого это тягостное наследство? Немедленно одари меня достойным преемником!

Мэри мирилась с забывчивостью супруга, как могла, лишь изредка ломая о его загорелую плешь домашнюю утварь. Воспитанная в духе послушания, она и во мне пробудила чувство меры в преклонении перед властью и законом, весьма преуспев на этом наставническом поприще. Поэтому уже с ранней молодости я насобачился обходить далеко стороной и то, и другое.

С появлением сестры Азалии, все заботы по моему воспитанию легли на плечи независимых странствующих по прериям джентльменов благородной выправки и чернокожей кормилицы с хлопковых плантаций Юга. Рабыня любила меня до самозабвения, прощая дитяти все шалости белого человека, вплоть до применения им огнестрельного оружия по движущейся цели, за что и была пущена с молотка на торгах, вместе с моей мишенью: дядей Томом и его хижинкой. Я горько переживал утрату объектов моих забав, навзрыд плакал по углам безлунными ночами и в диком забвении одиноко бродил по опостылевшим окрестностям, пока не утешился новой привязанностью, открыв в себе очередную грань дарования.

Наша кухарка Сисиния, помогавшая матушке в ведении хозяйства возле котлов, вовремя заметила мою скорбь и раннюю самостоятельность. Она как раз входила в пору второй свежести и поэтому позволила ребенку утолить созревшее любопытство, взвалив на себя благородное бремя педагога. Правда, сначала мне пришлось пригрозить возможностью несчастного

случая при пользовании открытым огнём, но зато впоследствии, войдя во вкус педагогической деятельности, Сисиния не раз говаривала мне, задирая юбки на задворках фермы:

– Не дай бог, если молодому хозяину достанется очень юная мисс. Не долго и до беды при таком его черпаке. Если уж мой горшок он выскребаёт до дна, то что уж говорить о мелкой соуснице? Далёко до вас было бедняге Тому, а ещё дальше старшему Дику.

А в нашем роду все Дики. И папашка, и дед, но особой дикостью отличался прадед. Тот даже жил в пещере и не пользовался огнём, так и сложив голову в борьбе с паразитами. Дед-то огнём уже пользовался всюду, даже загнулся от горячки, оставив моему батюшке в наследство сивую кобылу по кличке Роза и совет избежания кабалы долгов своевременным побегом с берегов Альбиона на Дикий Запад Америки, где предприимчивые переселенцы уже начали обживать подошву Скалистых гор. Что молодой коновал тогда и сделал, оставив прежнюю сожительницу у потухшего очага, но прихватив с собой меня и Розу, как продолжателей рода первопроходцев.

В пути кобыла очень привязалась ко мне, и мы дни и ночи проводили вместе, питаюсь чем придётся из одного котла. Даже во сне я ощущал её тёплые губы и мерное дыхание на своём челе. И потому мои сны, оберегаемые преданным животным, были светлы и содержательны. Я видел себя то полным генералом от инфантерии, то пламенным борцом за свободу аборигенов, то отважным капитаном сухогруза с живым товаром на борту, а на худой конец, и финансовым воротилой всего Нового Света. Добрая Роза и щедрая Америка позволяли мне уже в голозадом детстве смело заглядывать вперёд, пусть пока что и во сне.

– Дик, – смеялся отец. – Дик Блуд, никому больше не рассказывай своих снов. Это бред сивой кобылы, выжившей от старости из ума. Если я не подцеплю девицу с состоянием, не видать нам ни чинов, ни тугого кошелька, а тем более – генеральских нашивок, даже в этой стране равных возможностей.

По молодости лет я не перечил отцу, но когда появилась мамаша Мэри, а Роза, ожеребившись, благополучно пала от старости, во мне всё более и более стала крепнуть уверенность в своё высокое предназначение. Бред сивой кобылы, оставивший столь неизгладимый след в детской памяти, должен был воплотиться в явь. Тем более, что научившись сносно читать и писать, мною самостоятельно, без родительского благословения и опеки, была выгодно заложена под небольшой процент наша ферма со всей недвижимостью и продан изрядный табунок соседских чистокровок по сходной цене. Я замахнулся было на все оставшиеся угоды родителей Мэри и прочих соседей, но был вовремя для них остановлен. Первоначально собственным прародителем с ремённым недоуздом в заскорузлых руках, а затем и силой закона всех местных властей, включая даже судейских писарей.

Огорчённый упрямым недопониманием порывов юной души, как родными, так и не очень близкими, я с гордо поднятой головой удалился из их суетного и корыстного мира. Таким прискорбным образом я несколько лет провёл в уединении, черпая силы в песнопении псалмов по принуждению и из рассказов бывалых каторжных авторитетов. Меня тянуло к знаниям, как муху к патоке. Поэтому я со всех сторон старательно постигал жизнь, то духовно закаляясь в одиночках, то применяя на практике полученный от многоопытных сидельцев опыт в случае коллективного разбоя при амнистии кстати подвернувшейся. Тем самым как бы вскользь напоминая о себе близким и бывшим злостным соседям о возможном перераспределении их достатков в недалёком будущем, чем снискал уважение в среде свободных предпринимателей. В это же время я много путешествовал, преимущественно в крытых экипажах и с личной охраной. Таким образом, очень скоро я стал законченным джентльменом и отпетым патриотом.

Как раз в эту пору у меня появилось свободное от праведных трудов самообразования время, и я вновь решил посетить родимые места с целью привнесения радости в быт тамошних обитателей. Встреча с близкой роднёй удалась на славу. Сестра Азалия ликовала по поводу моего появления до припадков, Сисиния тупила взор, лелея в сердце надежду на прежние тес-

ные отношения, а матушка Мэри просто рыдала как ребёнок, запершись в холодном чулане. Замшелый же лошадиник, так и вовсе рассупонился. Смахивая неловкую слезу, подвернувшись под руку связкой самодельных вожжей, он голосил на весь приход:

– Дитя моё, будет большим для тебя счастьем, если ты собственноручно не замедлишь воспользоваться этой верёвкой. Иначе, не пройдёт и недели, как местные жители накинут пеньковый галстук на твою шею и без твоего же согласия. Не доводи меня до греха и позора!

– Утомись, старина, – с достоинством отвечал я. – Сын сумеет постоять за твои права, прибрав всё к своим рукам. Мы ещё попадём в сенат, ведь я не мараю руки о конскую сбрую или чайный сервиз всего на шесть кувертов.

Успокоив таким образом родню, я первое время отдыхал, объезжая мустангов и женскую половину прислуги, но минуя Сисинию по причине её возрастного ценза, а затем обратил взор на окрестных фермерш, не утомляя себя их дочерьми, серьёзно готовящимся к гнездованию. Но в силу того, что я не мог наносить визиты вежливости своим недавним обидчикам, равно как и быть приглашённым к ним на чашку чая, мне приходилось загодя и весьма подробно разрабатывать свои знойные планы с учётом живой силы противника и предварительной рекогносцировкой местности на предмет отступления. Удаче моих планов весьма способствовал постоянно открытый сезон охоты на бизонов и индейцев, когда истинные мужчины смело оставляли своих дам без присмотра. Кстати, вот тогда-то я и понял, что во мне сокрыт талант военачальника, предполагавший генеральский чин.

Справедливости ради надобно заметить, что мои планы не всегда претворялись в жизнь. Но я с уверенностью могу констатировать, что благодаря моим скромным потугам и при моёмто кнутовище, отцы семейств значительно чаще радовались увеличению рода, нежели до моего прибытия в их края. Я же долго оставался в тени, тихо веселясь за счёт счастливых мужей и их плодовитых жён.

Моё смиренное и безоблачное бытие, если не считать карканья единокровного пастуха и приставаний Сисинии, продолжалось до тех пор, пока я не нарушил одиннадцатую заповедь, призывающую не членугодничать в близкой к тебе среде обитания. И, как говорится, первый же сэндвич вышел комом.

Мисс Сара Блин, будущая счастливая от меня мать и ближайшая соседка по ранчо, неосторожно застала меня в более чем объятиях своей маман. Разразился семейный скандал, так как миссис Блин тоже видела во мне приёмного отца своего будущего чада. От частого, по причине соседства, общения, мы знали друг друга достаточно хорошо не только в лицо. Поэтому я наскоро утешил их как мог, одарив ласковым словом и кое-чем из одежды. Времени для ликования от приятной семейной встречи было в обрез, поэтому я умело канул в ночь на горячем скакуне, прикрывшись уздечкой.

Не прошло и суток, а чёртов Блин с сыновьями и сердобольными соседями уже штурмовали наш дом с примкнутыми не на шутку штыками. Тяжело бы пришлось моему папашке, кабы не моя сообразительность и желание с честью выбраться из затруднительного для него положения.

В то время как разъяренный неприятель попирал, можно сказать, мою колыбель, я уже мчался на лихом и злобном жеребце по кличке Раздолбай Четвёртый к Восточному побережью. Так вышло, что три первых Раздолбая самостоятельно сбежали в прерии от моего родителя ещё в годы нашего гнездования на Западе, а вот вместе с четвёртым слинял и я подальше от родных пенат. Так уж вышло, что вспоминать! А женская честь – дело добровольное, и хотя за неё можно было бы пострадать в пределах разумного, однако недавнее ограбление церковной кассы, слухами приписываемое мне, никаких лавров в этих краях уже явно не сулило. Поэтому я с лёгким сердцем покидал неуютное становище, свято веря в свою счастливую звезду.

В Нью-Йорке я без особого труда нанялся квартирмейстером при штурвале на бригантину «Счастливое избавление», которая с грузом скобяных товаров отправлялась к берегам

Индии. Отныне меня ждал весь мир, открывая новые заманчивые горизонты, и моя девятнадцатая весна, по всем приметам, обещала быть щедрой на удачу от случая к случаю.

Часть I ИНДИЙСКИЙ КАПКАН

Глава I МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

В благословеннейшем XIX веке, ближе к его концу, Индия представляла собой небольшую, если судить по количеству джентльменов на душу туземного населения, но чрезмерно избалованную войнами и восстаниями страну. И причиной тому были то ли непомерная дикость местного населения, то ли безоглядная доверчивость белого человека. Хотя, вполне могло быть, что виной всему служили благоприятные для ведения вооружённых конфликтов климатические и погодные условия. Точно не скажу, но только прибыл я на Индостан в самый разгар очередной разборки англичан с коренным населением Бенгалии. Нана-Шах, наследник древней империи моголов и он же император Дели, возглавил очередное проявление недовольства сипаев и захватил было почти весь Декан, оставив англичанам Калькутту, Бомбей и Мадрас. Нанеся своими необдуманными действиями кровную обиду Ост-Индской Компании в целом и генерал-губернатору Индии сэру Вильяму Джону Лоуренсу в частности, туземцы, естественно, напросились на очередное повышение налогов и незамедлительные карательные экспедиции сынов Альбиона. Королева Виктория, да и весь цивилизованный мир, в очередной раз убедились в необходимости твердого правления на полуострове, без всяческого попустительства не только низшим кастам, но и притворно законопослушным раджам и браминам.

Массовые расстрелы сбили воинственную спесь с сипаев и сигхов, даже несмотря на то, что проводились весьма гуманно и без особого загрязнения окружающей белого человека природы. Правда, приходилось неэкономно расходовать целый пушечный заряд на одного аборигена, привязанного к оружию, но зато достигался потрясающий зрительный эффект. Далеко не тот, что при грубом использовании картечи по толпе оборванцев. Сэр Лоуренс любил шутить по этому поводу:

– Хорош тот сипай, который не подлежит реставрации.

Я в то время базировался в городе Пондишери, принадлежащим Франции, и вёл размеренную жизнь, свободную от угрызений совести. Слегка овладев тамульским и таурским наречиями, я совершал торговые операции с индийской коноплей, корицей и прочим колониальным товаром в западной части Индостана, известного под названием Малабарского берега, окаймлённого длинной цепью гор, которая тянется к северу вдоль побережья до диких и суровых провинций Мейвара и Бунделькунда, проходя по границе с Афганистаном. Отдалённость этих территорий не всегда позволяла закону вмешиваться в частное предпринимательство, поэтому мои коммерческие сделки приносили определённый доход как мне, так и местным властям, особенно при обращении с драгоценными металлами и минералами. Поэтому начальник полиции французских владений генерал Риго де Марси не раз говаривал мне на очередном допросе:

– Если вы, Блуд, достигнете верхнего предела старости, то в этом не я буду повинен. Англичане подтолкнут вас в самом ближайшем времени к расчётам с жизнью. Ведь уже который год вы занимаетесь у них под носом контрабандой, скрываясь от британских законов на нашей территории. Но ведь и у нас может иссякнуть терпение.

Да я и без него чувствовал, что пора в самом скором времени перебираться поближе к театру военных действий и приносить посильную пользу моему заокеанскому отечеству. Ведь так приятно будет осознать, что отчизна радуется за тебя, быть может, видя, как ты приумно-

жаешь своё богатство в её честь. И, естественно, очень хотелось тактически грамотно помыслить о военных трофеях где-нибудь в обозе или при штабе.

И вот, как-то раз прогуливаясь по Маброльской набережной Пондишери и покуривая коренгийскую сигару, я встретил знакомого ещё по бригантине «Счастлиное избавление» маркиза Жана-Батиста де Профурье. Этот выходец из Марселя был романтиком высочайшей пробы. Являясь то ли внучатым племянником, то ли вовсе побочным сыном губернатора индийских колоний Франции адмирала Луи де Кепульи, Жан смело занимался рискованными биржевыми операциями и чужой недвижимостью, редко терпел неудачи, а когда дело доходило до суда, вовремя успевал сменить место жительства, что, собственно, и сблизало нас. Да и в целом, это был двадцатилетний красавец с пышными усами вразлёт и гордым профилем высматривающего добычу пеликана. Горячность в движениях выдавала в нём человека скорого на подъём и заранее уверенного в своей правоте, хоть ты кол затёсывай на его башке.

– Салам, Дик! – по-местному сдержанно приветствовал он меня и сразу перешёл к делу: – А не посетить ли нам заведение вдовушки Амфу?

Я знал готовность Жана к постоянному действию. Заглядывать вперёд было не в его характере. Помню, когда в Индийском океане нашу бригантину начал было трепать шторм, он, не задумываясь, бросился за борт, чтобы плыть к берегам Цейлона лишь бы не оставаться пассивным наблюдателем гибели судна. Бригантина и Жан тогда уцелели, но анекдот о французской смекалке и до сей поры бродит по тавернам морских держав. Поэтому, обрадованный встречей со старым товарищем, я не смог ему отказать. Тем более, что солнце уже согнало обезьян с верхушек пальм, и давно было пора освежиться бокалом прохладительного где-нибудь в тени.

– Полностью согласен с твоим предложением, – весело откликнулся я. – У мадам Амфу всегда найдётся достойное пойло и приличная компания.

Мы свернули на улицу Чанденагара и уже через полчаса входили в двери постоянного двора гостеприимной вдовы.

Я часто бывал в этой харчевне, ибо по роду своей деятельности посещал и менее пристойные заведения, хотя всегда оставался джентльменом, как и всякий белый человек. К мадам Амфу редко заглядывали представители власти, и поэтому никто не мог помешать душевной беседе старых товарищей. А я сразу почувствовал, что маркиз настроен по-боевому, и наш разговор будет нежелателен для посторонних ушей.

К делу мы сразу же и приступили, разместившись за отдельным столиком в углу и заказав для разминки кувшин ликёра Гарнье де Шартрез с зажаренными на вертеле браминскими утками и блюдом рисовых лепёшек.

После первых бокалов, мы взялись за вторые и третьи, а уже утолив жажду, изрядно подкрепившись и потребовав пальмового вина для поддержания дальнейшей беседы, приступили к серьёзному разговору.

– Дорогой Дик, много ли ты имеешь от своего вонючего бизнеса, не считая неприятностей? – в упор спросил меня Жан, не терпящий окопесности в разговорах.

Я по привычке ушёл от прямого ответа, но особо и не скрывал, что даже при французском прикрытии постоянные военные действия англичан пагубно сказываются на мирной торговле.

– Вот и я о том же, – обрадовано подхватил Жан. – Под грохот канонады можно заниматься разве что искусством, особенно если оно имеет древние корни.

– А при чём тут торговля? – обиделся я за коммерцию.

– Ни при чём, – продолжал радоваться моему тугоумию маркиз. – Какая к чёрту торговля, если под напором красных мундиров гибнут и бесследно исчезают значительные материальные ценности духовного наследия индийцев. От какого груза ломились трюмы кораблей, отправляемых верноподданными Королевы в метрополию после взятия Шиншарда и Лукнова? А что сейчас доставляется в Калькутту из Ауда и Бенереса?

– Наверно, не знамёна побеждённых сипаев, – вставил и я своё веское слово в поток вопросов благородного защитника древнейшей цивилизации.

– Дик, ты трезво мыслишь, – польстил мне француз. – Я тебя знаю, как порядочного и надёжного человека. Пора, мой друг, пора встать на защиту угнетённых и прибрать в надёжные, но не английские руки то, что ещё осталось в монастырях и пагодах. И если многим придётся погибнуть в борьбе за светлое будущее, то пусть они знают уже сейчас, что мы с тобой не оставим без присмотра их вековое наследие, – Жан даже вскочил из-за стола в порыве свободолюбивого вдохновения, а выпив, уже вполне разумно закончил: – Правда, любителям независимости не обязательно знать о нашей скромной помощи. А попутно, надо бы положить конец беспредельному владычеству Ост-Индской Компании над золотым запасом раджей и браминов.

– А каким образом мы положим конец владычеству? – заинтересованно спросил я, оправдывая замечание друга о трезвости своего мышления.

– Элементарно, – отозвался справедливый француз. – На днях меня известил гонец от одного Верного Человека, что очень скоро следует ожидать падения Гоурдвар-Сикри, что на границе Бутана и долин Гималаев. Эта крепость пока что удерживается мятежными сипаями под предводительством Куавер-султана, но её уже осаждает отряд гвардейских улан во главе с капитаном Крисом Делузи. А к ним на помощь из Калькутты на днях выступает полк шотландцев, руководимый полковником Эдмундом Говелаком. Гоурдвар-Сикри издревле славится своим богатством и роскошью, а поэтому, если мы поспешим за шотландцами, то на их плечах сможем ворваться в крепость и провести там надлежащую ревизию ценностей султана до их полного разграбления. Верный же Человек, находящийся сейчас в крепости, поможет нам на месте в кратчайшие сроки разобраться в ситуации.

– Предложение очень заманчиво, – начал я размышлять вслух, – но ведь ещё надо добраться хотя бы до Калькутты, а оттуда через сплошные джунгли и до самой крепости.

– Пусть это не заботит тебя, – горячо заверил Жан. – Я уже нанял самую быстроходную на восточном побережье яхту, которая делает двадцать узлов при попутном ветре и внёс залог. Завтра утром ты заплатишь недостающую часть, ведь счёт дружбы не портит, и мы с восточной стороны Индостана морем доберёмся до Калькутты как раз к началу выступления шотландцев. И если ты согласен с этим планом, то закажи арраки, и мы поднимем бокалы за успех.

План был хорош, тем более, что война или на худой конец революция всегда являются прибыльным предприятием для сообразительного человека. И не обязательно быть в гуще схватки. Главное – это не опоздать к трофею, а впоследствии всегда успеете доказать любому правдолюбцу, что твой капитал нажит страстной, ещё с раннего детства любовью к каторжному труду и непосильной для простого смертного экономии. Поэтому я заказал требуемую рисовую водку, и мы отошли от серьёзных дел, предавшись воспоминаниям на почве алкоголя.

Незаметно, как застольная песня, грянул вечер, и мерцание свечей отразилось на наших пылающих здоровьем лицах. Вдова Амфу лично следила за сервировкой нашего стола, не упуская возможности ответить увесистой шуткой на наши светские вольности. Мы много смеялись и пели, но захотелось большего – идейно поспорить с кем попало до первой крови. И случай не замедлил представиться.

Как раз против нас, за соседним обширным столом, на широкую ногу веселилась подходящая для солидного разговора компания. Ребята подобрались там достойные и, если судить по одежке, знанию языков и морской терминологии, уже успевшие испытать на себе все прелести жизни. Словом, это был именно тот круг лиц, в котором можно заводить беседу с рукоприкладством. Тут главное умело начать разговор, а далее уже не будет иметь значения, кто и к кому имеет претензии, так как дружеский мордобой в стеснённых условиях далеко не всегда позволяет выбрать особо приглянувшегося собеседника. Верховодил этими босяками явно

выраженный бабуин рыжего окраса, но с некоторым словарным запасом под покатым лбом. Его тяжёлый взгляд уже не раз упирался в наши открытые лица, мешая выпивке и полёту мысли.

– Дик, а не прогуляться ли нам к соседнему столику? – угадал моё желание Жан. – Этот ржавый самец угнетающе действует на мою расшатанную нервную систему.

Я не возражал. Здоровьем природа меня не обидела, да и папашино воспитание пошло впрок. При низкой посадке и некоторой разнолапости, приобретённой от раннего общения с лошадьми, меня голой рукой и с первого попадания свалить было почти невозможно, чего не скажешь о марсельце. Но зато француза отличала хлесткость удара с непредсказуемой стороны и ниже пояса, а также расторопность при манёвре и достойном отходе. Так что, когда мы вдвоём нарывались на истинно мужское приключение, нас выкидывали за порог без регулярного постоянства. Особенно, если народу и без нас было предостаточно.

Мы дружно встали из-за стола, ненароком опрокинув его, и уверенной поступью двинулись к рыжему верзиле.

– Месье, – гробовым голосом произнёс маркиз, обращаясь к нашему визави, – хоть мы и не имеем чести быть знакомыми с вами, но ваша беспардонная наглость в обращении с хозяйкой данного заведения, а также оскорбление взглядом моего друга, не позволяют мне пройти мимо, без выражения соболезнования по поводу пробелов в вашем воспитании...

Жана несло, как обычно в подобной ситуации. И как правило, непонятное для неискущённого правилами хорошего тона слушателя, его вступительное слово вызывало приступ ярости и немедленное желание заткнуть этот родник красноречия силовым приёмом.

Так оно и вышло. С криком: «Я – Медноголовый Хью! И меня знает всё восточное побережье от мыса Коморина до берегов Ганга», – вожак шайки оборванцев вскочил и, пренебрегая правилами рукопашного боя, двумя кулаками сверху хватил по бедной голове славного маркиза, отчего тот, теряя на глазах благородство, рухнул под ноги обидчика. Я не мог спокойно взирая на тело распростёртого товарища и ловким ударом снизу чуть не выбил доску столешницы, в горячке слегка промазав по рыжей обезьяне. И только это спасло последнего от многочисленных переломов челюсти, а может и черепной коробки.

В ответ на мой смелый выпад, подлый Хью, ударом сапога ниже талии, отбросил меня в дальний угол харчевни. Отдираясь от стены и погружаясь в липкую тьму, я краем сознания всё же отметил, что начало диспута нами было-таки положено. Народ без принуждения покидал столы и принимался за привычную забаву, где нашего участия уже не требовалось...

* * *

Я очнулся от прикосновения мокрой тряпки к моему пылающему лбу. Затылок ломило, во рту был знакомый привкус ржавчины, а вот сил двинуть конечностями не было. Пареные мозги дымились под черепом и их хотелось проветрить на сквозняке. Мне стало жаль своего неуправляемого тела до слез.

«Хорошо бы не пить так отчаянно», – глупо стукнуло в размягчённом мозгу, а перед глазами поползли жёлтые круги, усиливая своею навязчивостью и без того смертную тоску.

– Мистер не желает глотка воды? – услышал я рядом голос сочувствия.

Неимоверным усилием остатков воли я приподнял свинцовые веки и увидел перед собой ещё молодого человека со стаканом жидкости в руке. Как безголосый инвалид я, стесняя и жестикулируя пальцами, попросил сердобольного незнакомца подать мне глоток-другой арраки, а получив требуемое, проглотил это лекарство, изнемогая от отвращения и нахлынувшей тошноты. Результата долго ждать не пришлось. Скоро, я уже более-менее осмысленно созерцал помещение и его обитателей.

– Не волнуйтесь, – опережая мой вопрос, промолвил оказавший мне первую помощь мужчина, – вы у друзей. Мы с мадам Амфу перенесли вас и вашего друга ко мне в комнату, как только утихли беспорядки в зале. Хвала Всевышнему, вы с товарищем не особенно пострадали.

Действительно, я уже отчётливо видел и эту бедную келью со столиком посередине и скамьей у стены, и край единственного топчана, на котором я покоился, и распростёртое в дальнем углу тело француза на шкуре какого-то животного. Постоялец, любезно разъяснивший мне наше положение и сидевший у меня в ногах, был почти моим ровесником, с тонкими чертами аристократического лица и со смирением во взоре ясных серых очей. Весь его облик, а особенно одеяние странствующего монаха говорили о почтительности к старшим и готовности прийти на помощь в беде. А у моего изголовья стояла сама мадам, охлаждая мой лоб мокрой тряпкой и в то же время грозя проломить его рвущимся из выреза платья бюстом.

– Мистер Блуд, – гулко запричитала она, – опять вы навязали клиентам драку. Совсем не бережёте себя, ровно, как и месье Жан.

Будучи почти всегда платежеспособным, я снискал уважение не только в этом заведении. Поэтому вдовушку знал довольно хорошо, а её пышные формы, особенно если внимательно присмотреться к ним с тыла, внушали мне не только уважение, но и прощительное после третьего стакана желание немедленного осязания. Что ни говори, но такую репицу в здешних жарких краях редко встретишь и у племенной кобылицы, не то, что у закутанных в сари, как шелкопряд в кокон, местных женщин. Однако до сей поры у меня до мадам Амфу руки не доходили, хотя и чесались.

– А что с маркизом? – спросил я, отлепив взгляд от бедра вдовы и полностью приходя в сознание.

– Месье пришёл в сознание раньше вас, – ответил монах. – Просто ему трудно разговаривать по причине прикушенного языка, – и добавил, верно поняв мой жест: – Он уже принял бокал портера.

– Ох уж эти великосветские замашки, – пробормотал я. – Значит с ним и впрямь ничего не случилось, но обычно после больших потрясений он просит что-нибудь покрепче, – и у меня полностью отлегло от сердца, тем более что Жан при звуках моего голоса начал активно посверкивать глазами, проявляя нетерпение и прося добавки.

– Плесните ему! – распорядился я и, проявляя здоровое любопытство, обратился к божьему человеку: – Скажите, наш непрощенный друг, а какого дьявола вы делаете здесь и с какой радости набиваетесь к нам в сиделки? Что-то раньше я не встречал вашей рожи в наших краях.

– Мистер, – отозвался тот, – видит бог, я задержался здесь по просьбе хозяйки и помогая ей. А в Пондишери меня привела скорбная весть, полученная с родины, и желание скорейшего отплытия в Европу.

– Какое же у вас горе? – снизошёл я до любопытства и предложил всей компании выпить за здоровье.

Присутствующие дружно осушили посуду, но приблудившийся к нам европеец, как ни странно, отказался от выпивки, хотя и выглядел вполне здоровым лоботрясом. Этим он давал понять, что не ровня нам и, видимо, отстаёт в развитии.

– Извините, господа, но я не употребляю ни вина, ни табака, – сказал он, поймав мой сочувствующий взгляд. – А если вам угодно, и позволяет время, то я готов рассказать свою печальную историю и облегчить себе душу, ибо носить в себе по Индии глубокую скорбь я уже не в силах

– Время ещё только к полуночи, и пока джентльмены набираются сил, вы, святой отец, можете поведать нам о своих печалях, не опасаясь огласки и пересудов, – живо заинтересовалась хозяйка, удобно располагаясь возле меня на топчане.

Незнакомец тяжело вздохнул, собираясь с мыслями, и начал своё повествование:

– Уважаемая леди и достойные джентльмены. Видя с каким участием вы относитесь ко мне, я не нахожу причин для сокрытия от вас правды. И так, вы в моём лице видите перед собой графа Перси Хервея, последнего отпрыска некогда знатнейшего рода. Генеалогическое древо нашей фамилии весьма развесисто, а своими гинекологическими корнями, так и вовсе упирается в отдалённое по времени царственное ложе королевы Уэльса Эммануэль Прелюбомудрой, особы импульсивной, но до того богобоязненной, что когда один из моих, незаконно ею рожденных в глухом монастыре прашуров достиг совершеннолетия, то в знак уважения к его отцу получил из царственных рук право пользования древним замком Трахтенхауз на западе Ирландии, а заодно и дворянский титул. С той благословенной поры наш род уже не знал нужды и лишений, а несмотря на то, что в нашем семействе многие рождались незаконным образом, места в замке и куска хлеба хватало всем. Мужчины год от года приумножали наше состояние на поле брани, женщины удачно выходили замуж по принуждению, но, не глядя на общее процветание, никто в роду не доживал до преклонных лет. Злой рок и дворцовые интриги постоянно преследовали нас. Так и мой батюшка, сэр Арчибальд, мир праху его, успел до времени сложить голову в битве с сарацинами где-то под Сиракузами, едва я сделал свой первый шаг по земле предков. Матушка же моя, урождённая маркиза Помелла де ля Помпадура, с оказией узнав через пару лет о постигшем её горе, моментально овдовела без видов на содержание и, непрерывно стеля, вынуждена была ещё раз создать семейный очаг вдали от родины в прусской глубинке среди немецких землячеств. Доставшийся мне отчим, барон фон Фогельфиш с польским корнем князей Раздавиллов, человеком оказался наибогороднейшим и без национальных предрассудков. Он пёкся обо мне как мог и потому отдал монахам Армии Спасения для получения у них подобающего образования, едва я начал говорить. С тех пор слово Божие заменило мне все соблазны светской жизни, и уповая на великомученицу святую деву Матильду, я сделался ярым католиком, а впоследствии и отцом Домеником, чем безмерно обрадовал свою сердобольную матушку. Но не долго длилось её беспредельное счастье. Вскорости господь прибрал её во время купания лунной ночью в родовом пруду германского супруга. Я сутками лежал без сознания, узнав о трагедии, и лишь необходимость общения с душеприказчиками по поводу наследства, в виде исторически бесценных бумаг и писем родительницы на родину, вернуло меня к жизни и скрасило скорбь. Продолжительный пост и молитвенные бдения укрепили меня, и тогда, перед рыдающим бароном и алтарём безгрешной Гертруды, я дал обет недержания греховных помыслов и крутого воздержания от мирской суеты. Когда же мне исполнилось шестнадцать, мой возлюбленный опекун и отчим вовсе отдал меня в руки господни, послав подальше. Так я оказался в Индии, где смиренно несу свой крест и насаждаю истинную веру в умах заблудших туземцев среди непроходимых джунглей Аноухарапура и болот Тринквеламе, трепетно храня тайну своего высокого происхождения от ближних, дабы не вызвать кривотолков в святейших кругах. Однако не успел я до конца забыться в молитвах от невзгод своей родословной, как судьба вновь опечалила меня. Проповедуя в подземельях Эллора среди диких племён Тота-Веды, я получил тягостное известие, доставленное странствующим миссионером ордена святого Апполинария Берберийского. Мой достославный отчим, барон и землевладелец, приказал долго жить под копытами любимого мерина во время охоты в своих наследных угодьях, оставив мне надежду на состояние, которое я хотел бы потратить на новый подрясник и процветание ордена. Поэтому я и поспешил в Пондишери с надеждой добраться до Европы без гроша в кармане. О, заступница Жанетта и всеблагодать Фердинанд, как беззащитны мы под ударами судьбы!

С этими словами бывший граф, не имея сил сдерживать слезу, упал лицом мне в ноги и забился в рыданиях, как просчитавшаяся в безопасных сроках девица. Мадам Амфу тоже плакала, утираясь кружевами нижнего белья, и только мы с Жаном, приняв по бокалу за упокой, хранили присутствие духа и желание выпить ещё, что незамедлительно и сделали, пока вдовушка успокаивала себя и богослова.

– Печальная и поучительная история, – подытожил я. – Что толку убиваться по загнутым родственным? Ты-то пока жив, – я уже почти покровительствовал новому знакомому, – а поэтому должен о себе позаботиться сам. Я же предлагаю остаток ночи посветить отдыху, а уж утром, что-нибудь да решим на свежую голову,

– Очень дельное предложение, – поддержала меня хозяйка и тут же определила места ночлега: – Вы, святой отец, вместе с маркизом заночуете в этой комнате, а вам, Дик, я постелю в другой. Так что следуйте за мной, – и она ласково взглянула на меня исподлобья.

С этими словами мадам направилась к двери, а я без задней мысли последовал за ней. В окно смотрела полная русалочья луна, а в джунглях слышалось завывание ночных хищников. Жизнь шла своим чередом.

Глава 2

ЖЕНСКОЕ СЕРДЦЕ

– Два часа ночи! Люди высшей и низшей касты, спите мирным сном, нового нет ничего, – разнёсся над городом с вершины минарета монотонный голос ночного сторожа падиала, сопровождаемый ударом гонга.

Голос хозяйки был более приветлив:

– Дик, вы располагайтесь на кровати, а я эту ночь скоротаю у служанок.

– Мадам, не стоит стесняться себя, я прекрасно устроюсь по-походному на ковре, – великодушно отозвался я.

Комната вдовы Амфу оказалась уютной и по-женски обжитой, а кашемировый ковёр действительно устраивал меня, так как избавлял от утомительного процесса раздевания. И я, не слушая возражений, раскинулся на полу возле кровати, как у себя дома, готовясь достойно всхрапнуть перед бурным днём.

Вдовушка, встретив такое решительное сопротивление своему гостеприимству, тоже начала готовиться ко сну. Она вне поля моей видимости разделась и завалилась на кровать, вздыхая и творя молитву.

– Вам удобно? – очень скоро разбудила она меня участливым вопросом.

– Как на паперти, – буркнул я спросонья, проклиная неуместную заботу.

– Мистер Блуд, можете прилечь на кровать с краю, места хватит, – вновь вывел меня из забытья голос женщины.

– Джентльмены не спят с малознакомыми дамами, – назидательно ответил я, уже не на шутку раздражаясь.

Чёртова кукла не давала мне уснуть, явно намекая подsunуть вместо полноценного отдыха развлечение сомнительного свойства. А у меня и без того ломило затылок, а всё тело требовало бережного обращения и воздержания. Видимо, всё ещё сказывалось потрясение от знакомства с Медноголовым Хью.

– Дик, вам не холодно?

Это было уже слишком даже для опытной вдовы, так как теплее могло быть лишь на погребальном костре.

Круглый глаз луны мирно заглядывал в комнату, дикая природа за окном полноценно отдыхала в ночной прохладе, а я, как последний ягуар, готовился к нападению. Требовалось, жертвуя собой, проучить назойливую вдовицу, но не прибегая к наставлениям камасутры, а обычным и доходчивым до печёнок способом. Я наскоро разделся, аккуратной кучкой свалив одежду в углу, и влез на обширное ложе хозяйки. И едва успел обжить новое место, как вдова навалилась на меня, обхватив руками за плечи и накрыв меня своей грудью от пупа и до подбородка, а чтобы ненароком не выскользнул, ещё и придавила мои ноги бёдрами. Я понял, что попал под знающего своё дело удава и напрасно переоценил свои силы.

Женщина была голой и податливой, как яйцо всмятку, а все её телеса излучали жар невостребованного материнства. Она мяла и тискала меня, словно комнатного котёнка, что-то мурлыча и почти облизывая мой лик. Порой она приподнималась на локтях, всматривалась в меня, как бы желая поймать ответный влюбленный взгляд моих оловянных очей, и тогда грозного берегового калибра ядра её груди сурово нависали над моей беззащитной головой, посягая на её целостность. Не спорю, женщина имеет право обзаводиться любым посильным для неё бюстом в зависимости от природного назначения. Скажем, одна носит груди для красоты и соблазна, другой же они нужны для вскармливания потомства, но всё должно быть в пределах допустимого стандарта, чтобы не пугать народ при нечаянной встрече. На моём жизненном пути встречались разные телесные откровения, от высокоурожайных накоплений до сиротских запасов, но такое отклонение в развитии, как у мадам, я встречал впервые, по крайней мере в столь осязаемой близости. Не скупится мать-природа на материал для своих дочерей! Однако, как замечают опытные исследователи, если уж и переложит за пазуху кому-либо, то обязательно чего-то да не доложит в голову, хотя это порой и не важно.

А вдова меж тем, не встречая сопротивления, полностью овладела мной, как частной собственностью, расточая медвежьих ласки по моему травмированному телу. Я уже начинал чувствовать себя легко и отрешённо, как некогда в трюме, заваленный кокосовым орехом. Но всё же любовь к жизни победила, и я слегка выполз из-под неукротимой мадам, а передохнув, даже позволил себе ухватиться руками за дыбящуюся корму женщины, как за спасательный буй. Почувствовав под ладонями прохладную и упругую, словно полный бурдюк с молодым вином, заднюю оконечность вдовицы, и не найдя там ни конца, ни края, вновь приятно поразился щедрости всё той же природы и стал на ощупь изучать это явление. Что ни говори, одежда умело скрывает истинные достоинства человека. Порой думаешь, что приобретаешь стоящую вещь, а там и в одну горсть ухватить нечего. А на этих вдовьих ягодных местах было где разгуляться. У меня даже рук не хватило, чтобы с тыла дотянуться до причинного места мадам. Хороший попался задище, любой конник позавидует, и если пользоваться с умом, то до смерти не сотрёшь даже при непомерной усидчивости.

Я так увлёкся ручной полировкой двуглавого чудища хозяйки, что не заметил, как во мне пробудилось мужское начало, и мой верный солдат стал на часах у её мавзолея. Правда, не в полный рост, а запутавшись в буйных зарослях у входа, только приготовился предстать угрожающим целостности дамы коловоротом.

«Вот так и начинается любовь» – тепло подумал я и стал помогать своему нетерпеливому бойцу, дёргаясь под жаркими телесами мадам, как уж под кучей красных муравьев. И в это время вдове Амфу, как и всякой порядочной женщине, оправдывающей свою плотскую инициативу, захотелось поговорить.

– О, Дик, – выдохнула она мне в ухо, – я давно люблю тебя. И никто, кроме покойного мужа, не смел касаться меня.

Воспоминание об усопшем было лишним. Я даже несколько увял телом, предположив, как мог погибнуть её бедный супруг.

– Моё сокровище, – продолжала лепетать вдова, – приходи ко мне почаще. Ты ведь тоже любишь меня?

– А то как же! – обнаглел я, ибо мой странник, наконец-то пробившись сквозь мшистый покров, уже уткнулся в начало разбитой частым использованием вдовьей колеи, радостно взбухшей росной влагой от предвкушения удачной близости общения с мужским жизнетворным началом. Однако, даже при всём желании и уважении к объекту контакта, я не мог качественно выполнить свои обязанности создателя – мешало сильное женское давление сверху и ущемлённая мужская гордость. Поэтому я довольно ощутимо прошёлся по пышным прелестям хозяйки, как бы охотясь на москитов. Мадам поняла мои намёки и выпустила меня из-под себя на волю.

Пока я собирался с силами, вдыхая полной грудью и восстанавливая кровообращение, нежная кобылица, не советуясь со мной, взгромоздилась на ложе в позе «летающего белого тигра», опершись на колени и локти. Вероятно, именно в таком положении её пробирало до основ естества, хотя, вполне может быть, это была обычная женская прихоть, а не многолетняя привычка. Так или иначе, но на тигра, тем более летающего, она походила мало, а скорее на слона у водооя, что вообще-то не влияло на суть разрешения стоящей передо мной задачи.

Я коленопреклонно расположился за предметом приложения своих сил и, стараясь не травмировать свою телесную гордость ошибкой в выборе пути проникновения во внутренние покои дамы, с третьего захода уронил свою мужскую честь в обширнейшие недра вдовствующей соблазнительницы. Техниккой дальнейших естествоиспытательных телодвижений я владел в совершенстве, отточив ещё в родных прериях, поэтому, крепко обхватив белопенные полушария хозяйки, с монотонностью маятника принялся за привычную работу.

Довольно скоро я почувствовал в своём организме прилив внутренних сил, тёплая судорожная волна заструилась по телу, поднимаясь вверх. Все члены мелко задрожали, предчувствуя близкое утолнение телесных мук, и меня слегка вытошнило прямо на собственного бедного старателя, так не вовремя вывалившегося из забоя. Я и до сих пор считаю, что это досадное недоразумение было следствием сотрясения моих слабых мозгов о стену во время потасовки или чрезмерным игривым усердием со стороны мадам Амфу, но никак не слабостью моего здоровья. Сама хозяйка, чудом успевшая выскочить из моих скромных объятий, уже стояла посреди комнаты с осуждением во взгляде, но без гневных и оскорбительных словесных выпадов в мой адрес, что вполне можно было ожидать от женщины в её таком интересном положении. Это растрогало меня, но, вытирая страдальца простыней и тихо радуясь, что облегчился не до конца, я всё же поклялся надолго запомнить ласки мадам Амфу и её не к месту половое влечение. Совместными усилиями устранив последствия наших плотских утех, мы снова улеглись на кровать, на сей раз обнявшись чисто по-братски, без различия полов и взаимных притязаний. Перед тем как уснуть, вдова сказала мне:

– Пусть это останется между нами. Я всё равно буду тебя любить.

Да, воистину широко женское сердце!

* * *

Поздним утром мы собрались за завтраком. Мадам Амфу без обиды за ночной конфуз предложила нам графин ликёра Изерских монахов и местное блюдо керри из отварного риса с мякотью кокосового ореха, приправленное кориандром и индийским шафраном. Несмотря на вчерашнее недомогание, мы с Жаном не потеряли аппетита, а после ликёра и вовсе вошли в привычное состояние бурной деятельности.

– Не будем терять времени на воспоминания, – расправляясь с бананом, произнёс марселец. – Пора поспешить на пристань. Яхта должно быть уже готова к отходу.

– Полностью согласен с тобой, – поддержал я приятеля. – А по пути вытрясем недостающую сумму у моих компаньонов, и незамедлительно отправимся в путь.

– Джентльмены! – напомнил о себе, молчавший всё утро, Перси Хервей. – Простите за навязчивость, но прежде чем расстаться со мной, не могли бы вы помочь советом человеку, далёкому от мирской суеты, и направить его на истинный путь в Европу? Горячей молитвенной здравицей отплачу я вам за содействие. Да ниспошлёт удачу вашим начинаниям святой Бонифаций!

Я взглянул на Жана, тот понимающе кивнул и сказал:

– Думаю, надо помочь единоверцу небольшой ссудой.

– Почему бы не помочь даже и советом? – отозвался я. – Жаль только, что из Пондичери, насколько я знаю, в нужном направлении судов в ближайшее время не предвидится.

– О, спаситель, ты вновь уготовил мне испытание! – горестно воскликнул проповедник, заламывая руки и устремляя взгляд в потолок. – Но со смирением приму я новый удар судьбы и не возропшу на провидение! – и он принялся читать по памяти молитвы, осеняя себя и нас крестными знаменами.

А у меня тем временем в голове созрела удачная мысль о том, что столь богобоязненный человек может принести пользу нашему предприятию как член Армии Спасения. Эти бедолаги постоянно якшаются с местным населением и имеют доступ туда, где белому господину делать нечего. Поэтому наш отец, шатаясь между враждующими у стен крепости, сможет снабжать нас информацией как с той, так и с другой стороны.

– Граф и отец, – обратился я к нему, прерывая затянувшийся молебен, – не стоит до времени так скорбеть. Мы прихватим тебя с собой в Калькутту, а оттуда, великим шёлковым путём с попутным караваном, ты посуху легко доберёшься до родового замка через Китай, Сибирь и Османскую империю.

Жан, услышав моё столь смелое предложение, призадумался, видимо, о моём психическом здоровье. Однако я знал, что говорил, так как о караванных тропах был много и достоверно наслышан, да и сам сплавлял контрабанду не по столбовым дорогам. А что касается Китая и Сибири, то пересечь эти незначительные азиатские государства, скажем, на слонах, думаю, труда не составляло.

– Мистер Дик, – обрадованный моим горячим участием, вскричал пастырь, – с благодарностью принимаю ваше предложение. Вероятно, сам господь глаголет вашими устами. Я уже предвкушаю радость от встречи с моей милой родиной!

Он бы ещё долго превозносил меня, радуясь счастливому устройству своих дел, не остави его Жан, заметив:

– Пора, господа, и честь знать, тем более что графин пуст. Делу время, а час потехи миновал ещё вчера.

Наскоро выпив на посошок, мы простились с вдовой, которая успела тихо всплакнуть на моём плече, и устремились в город. По пути я удачно решил наши денежные проблемы, так что по прибытии на пристань, мы без проволочек завершили все расчёты с судовладельцем. Не прошло и часа после завтрака, как яхта «Скиталец джунглей» с тремя пассажирами на борту уже резво рассекала волну на пути в Калькутту.

Глава 3

ВЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

До Калькутты мы добирались без особых происшествий и с относительным комфортом, если не считать постоянно облёванной, вследствие приступов морской болезни у графа, верхней палубы, да нашего начального нервного напряжения, когда уже в открытом море в капитане яхты мы узнали Медноголового Хью. Правда, наши опасения вскоре развеял сам мореход, предложив дружбу и свои запасы рома на всё время пути. Медноголовый оказался славным малым и хоть не умел достойно поддержать беседу, зато слушателем был отменным. Чтобы команда не мозолила нам глаза, большую часть времени мы с Жаном проводили в каюте за бутылкой рома и тайном обсуждении дальнейших планов.

– Только золото, – порой горячился француз.

– Только драгоценные камни, – настаивал я.

– Берите и то, и другое, – советовал Хью, время от времени забегавший к нам на огонёк, чтобы поддержать компанию и что-либо присоветовать в материальном плане.

Отец Доменик, далёкий от материальной заинтересованности или творил молитву, или бегал по палубе в поисках чистого места.

Так мы и двигались к цели, стойко перенося лишения морского перехода и коротая время за подсчётом будущих барышей.

* * *

В Калькутте, распростившись с гостеприимным экипажем «Скитальца джунглей», мы поспешили на встречу с проводником от Верного Человека из Гоурдвар-Сикри. Так как место и время встречи Жану было сообщено гонцом ещё в Пондишери, то наш маленький отряд незамедлительно выдвинулся к обусловленному пункту и занял выжидательную позицию, не предпринимая никаких преждевременных действий, кроме опроса местных жителей о богатстве Куавер-султана и состоянии его гарема. Попутно мы также выяснили, что полковник Говелак со своими шотландцами ещё не прибыл в Калькутту, и это избавило нас от необходимости пороть горячку. Отец Доменик также не терял времени даром и успел обратиться в свою веру парочку индусов, которые теперь часто разучивали молитвы невдалеке от нас, с каждым днём всё более привязываясь к нашей компании.

Звали их Рама-Сита и Эбанат Датто. Это были истинные дети дикой природы с незапятнанной совестью, неспособные к подлости и предательству. Они очень любили присутствовать при наших разговорах, видимо завораживаясь плавностью речи белого человека. Меня, уверенно признавая за руководителя, они почтительно называли Сердаром, то есть командиром, а Жана, не менее почтительно, Сагибом, что значило как господин. В целом, они нам не мешали, общаясь в основном со своим учителем-гуру отцом Домеником.

На рассвете третьего дня нас наконец-то отыскал проводник от Верного Человека. С ним был ездовой слон с погонщиком-корнаком. Жан обменялся с проводником секретным словом, после чего нам было передано устное распоряжение затворника Гоурдвар-Сикри о немедленном выступлении. И мы, чувствуя себя на военном положении, с готовностью подчинились приказу, лишь на пару дней задержавшись в недорогом притоне чудесного города.

Ран Мохаем Рай, наш проводник и посланник Верного Человека, был из махратского племени воинов, самой чистой индусской расы на Декане, и являл собой образец терпеливой преданности и надёжности. Постоянно одетый в дхоти и с чалмой на гордой голове, он сразу же втёрся к нам в доверие, и мы приняли его как младшего брата. Когда же в конце концов наш отряд решил выступить, этот воин, обладавший недюжинной силой, легко закинул нас с Жаном в кошель-хаудах на спине слона, и мы двинулись в путь.

Джунгли представляют собой неразработанные массивы тропического леса, покрывающего в изобилии Землю Лотоса вдоль и поперёк по причине природной бесхозяйственности и лишённой деловой смекалки коренного населения Индии. Этим великая страна и обязана отсутствием добротных путей сообщения. Тамаринды, манговые и тюльпановые деревья, а также прочее растительное изобилие джунглей так густо переплетены лианами и разными ползучими пресмыкающимися, что без слона и знания тайных троп, в эти чащобы нечего соваться. Гвоздичные деревья, корица, огневики и другое разноцветье не только утомляют взор, но так густо пропитывают своим ароматом всё окружающее вас пространство, что дышать практически нечем, особенно с похмелья.

Что до животного мира, то со спины слона любоваться им несколько затруднительно, хотя вездесущие мартышки и здесь не упустят случая надоесть путешественнику своим голозадным видом и всевозможными ужимками. Остальная часть фауны, в основном, смотрит на человека, как на легкодоступный продукт питания, чем и затрудняет любование природой. Мы же ели, как правило, фазанов, поставляемых к столу махратом, лишь изредка балуясь вепрем, зажаренным на вертеле.

На одном из привалов, которые мы делали в знойное время дня, расположившись в тени фикусов, я долго не мог задремать, увлечшись игрой ума и неясными думами. И вдруг мне

почудилось какое-то движение в недалёких зарослях молодых пальм. Это насторожило меня, и я окликнул проводника:

– Ран Мохаем Рай, – спросил я как можно более спокойным тоном, не переходя на крик, – с тобой прибыл только корнак со слоном, или нас сопровождает и пешее охранение?

– Сердар, – откликнулся старый воин, – никто кроме меня не знает пути нашего следования.

– Но тогда чьи же это головы мелькают в зарослях? – продолжал допытываться я, указывая на привлёкшие моё внимание пальмы.

Но не успел я и сам как следует задуматься над этим вопросом, как наш проводник гигантскими прыжками, словно спасающаяся от тигра антилопа, уже достиг зарослей и скрылся среди деревьев.

– Жан, – тут же растолкал я приятеля, – наш воин дал дёру, как бы чего не вышло при-скорбного.

– Дик, – недовольно проворчал француз, – ты не мог бы отложить решение своих проблем до общего подъёма? Ведь у каждого свои взгляды на досуг.

– Это общие проблемы, – начал горячиться я. – Какого чёрта удирать в кусты, не посоветовавшись с господином, даже если приспичило? Хорошо, если дикарь вернётся один. А если их целая шайка, и они захотят ознакомиться с целью нашей экспедиции? Ведь мне неизвестно, в каких отношениях находятся этот махрат и твой Верный Человек.

Никакой реакции. Тогда я перешёл на официальный тон:

– Маркиз, а вообще-то сколько степеней индийской пытки вы знаете?

– Три, а что ты этим хочешь сказать? – Жан вскочил с насиженного места, став лицом цвета очень редкоземельного металла.

– То, что сказал, – веско ответил я, а сам задумался над этим вопросом, хотя ответ на него и не был принципиален, ибо европеец уже после второй степени признавался во всех смертных грехах.

Но на счастье, долго раздумывать не пришлось. На нашу поляну из зарослей уже выходил проводник, ведя за собой, связанных по рукам лианами и неприлично голых, если не считать набедренных повязок, двух индусов. Пленники покорно плелись с опущенными головами, справедливо предчувствуя наш праведный гнев и скорую расправу.

Каково же было моё удивление, когда в шпионах я узнал наших недавних новообращённых христиан. Поэтому я тут же велел махрату развязать их.

– Зачем вы выслеживаете нас, вместо того, чтобы, не теряя попусту время, возделывать рисовые поля своих предков для получения высоких урожаев и своевременной выплаты налогов? – на одном из местных диалектов, витиевато как простой туземец, спросил я пойманных.

Они поняли меня, и старший, Рама-Сита, любезно ответил:

– Сердар, ты велик, как мир, и справедлив, как Шива! Мы полюбили вас и хотели бы служить вам до открытия ворот на небе для принятия наших душ. И пусть нас лишат погребальных церемоний, если даже в помыслах посмеем вам прекословить!

Эти чистые сердца умилили меня, и я решил оставить их в отряде, тем паче, что нам с Жаном пора было обзаводиться слугами.

– Сердар, – вдруг вмешался проводник, – я должен предупредить тебя, что эти люди не внушают доверия. Они тайно следовали за нами, поэтому от них можно ждать всего, кроме преданности. Убей их!

Такая дерзость со стороны махрата возмутила меня, и я поспешил поставить его на место:

– Ран Мохаем, эти люди останутся с нами в качестве слуг. И я запрещаю впредь обсуждать действия командира. Я сказал всё!

– Да не изгонятся заблудшие овцы из стада праведников, – неожиданно поддержал меня отец Доменик, оторвавшись на мгновение от молитв. – А за время нашего пути я смогу ещё более упрочить этих человек в вере, поведав о судьбе Иуды.

– Конечно, нам очень скоро потребуются слуги. Не нанимать же носильщиков за деньги. А познакомить с верёвкой мы их всегда успеем, – положительно откликнулся и Жан.

В итоге вопрос с туземцами был мирно разрешён, и мы вновь пустились в путь на слоне, позволив нашим слугам передвигаться следом в пешем строю.

Не спеша и делясь путевыми впечатлениями, мы, наконец, добрались до осаждённой крепости Гоурдвар-Сикри, но по совету Ран Мохаем Рая, которого для удобства перекрестили в просто Хаема, не стали вступать в сношение с англичанами, хоть мне и не терпелось порасспросить их о родине предков и видов на золото султана. Хаем же, отпустив корнака со слонем, укрыл нас в развалинах какой-то пагоды в стороне от крепости и, сказав, что ночью придёт с человеком его посланным, исчез в зарослях.

– Жан, – маясь бездельем в ожидании ночи, окликнул я марсельца, – откуда взялся этот джентльмен из крепости, которого мы так покорно ждём? Да и джентльмен ли он? А то доверим своё золото, чёрт знает кому!

– Дик, он не джентльмен, – слегка подумав, ответил приятель, – но господин с большими организаторскими способностями. Познакомился я с ним ещё в Париже, когда приумножил состояние своих родичей с помощью рулетки. Мой новый знакомый как раз в ту пору занимался созданием какой-то партии всеобщего освобождения от труда и его результатов. На этом теоретическом постулате мы, собственно говоря, и сошлись, ибо не трудом единым жив человек, а подспудной тягой к стороннему наблюдению этого процесса.

– Совершенно справедливая мысль, – перебил я француза. – Мне с юных лет приходилось над этим задумываться в местах вынужденного уединения.

– Ютился этот деятель тогда в подполье, снимая квартиру где-то в центре, – продолжал Жан, не обращая внимания на всплеск моей мысли. – А по происхождению, как утверждали его недоброжелатели, был он сродни азиатам, но с иудейским прошлым, хотя синагогой не пользовался. Одним словом – русский казак.

– Короче, туземец, – обобщил я собирательный образ Верного Человека.

– Да, – согласился марседец, – повадками очень похож. Любит непонятно поговорить и обвести вокруг пальца недалёкого ближнего. Усидчиво учился многому, но полученные знания не сеет по миру, а насаждает где придётся свои взгляды равноправного мракобесия.

– Совсем как я. Пастух пастухом, а тоже лезу на театр военных действий, – пришлось подивиться мне нашей схожести.

– Вроде того, Дик. С одной лишь разницей. Он не ограничивался, как некоторые, воскресной школой, поэтому и идёт своим путём, нацеливаясь на благосостояние без риска для собственного здоровья.

– Так не бывает, иначе и я нашёл бы этот кремнистый путь!

– Как бы не так! Ещё год назад в Дели мой знакомый утверждал, что если бунтующие массы увлечь идеей всеобщего равенства, то они напрочь забывают о такой мелочи, как звон монет. И если в это время находиться недалеко от толпы, восставшей против доморощенных тиранов, как, скажем, в Европе или против иноземных притеснителей, как здесь в Индии, можно неплохо возвыситься материально, независимо от конечных результатов бунта. «Главное, уловить ситуацию и вовремя сунуться с нужной для горячих голов идеей, – говаривал мне этот прожжённый мыслитель, – а там процесс пойдёт сам собой, позволяя умному человеку погреть руки у камелька народного гнева».

– Умнейшая голова, да ещё и не в петле! – восхитился я и поинтересовался неразумно: – А как, сейчас с процессом?

– Идёт, как видишь. Индия бурлит паровым котлом, иначе наш теоретик не торчал бы на полуострове. Он ещё в Дели возлюбил неприкасаемых, но вот что задумал в Гоудвар-Сикри, не знаю. Однако, думаю, не зря пригласил нас.

– Если он окончательно не повредился рассудком, то мы будем на его стороне, – подытожил я разговор, ещё до очной ставки возлюбив Верного Человека, как истинный христианин Писание, и добавил заклинательно: – Да не надсадишь его разум, петляя по хитроумным теориям мироздания!

* * *

Джунгли окутила ночная прохлада, Где-то слева от развалин прокричала птица гелло, предвещая беду, и суровый махрат ввёл в наше временное пристанище незнакомца, закутанного в саван, но при чалме.

– Рикшаза, рикшаза, – в ужасе заголосили наши слуги, укрываясь по углам.

– Призрак, – перевёл я крики туземцев, несколько отступая вглубь развалин с оказавшимся случайно в руке булыжником.

– Салам, бабу! – вдруг выкрикнул пришелец и, сорвав головной убор, простёр вперёд руку, видимо приветствуя нас.

Под чалмой было пустынно, как на душе с похмелья, хотя некоторая растительность вокруг темени и под подбородком ещё могли вызвать зависть у повредившегося рассудком ламы. Ночной гость был самого пронырливого роста, лицом смугловат, то ли от активности солнца, то ли от активности неразборчивых предков, зато блеск серых навывкате глаз, явно свидетельствовал о породистости в пределах допустимого. Даже в его первых словах слышалась властность, а в последующих – и французский лоск грассирования. Словом, это был не просто тёртый временем мужик, а немедленная овечья смерть, как говорят у меня на родине. За глаза ему можно было давать лет сорок без амнистии, хотя в чалме он выглядел опрятнее.

Я, не отрываясь, смотрел на Верного Человека, впадая в трепет от мысли – с кем связался и за что мне всё это? Ведь иной успеваешь прожить счастливую жизнь, а ему так и не посчастливится встретить на своём пути высоколобый самородок или, на худой конец, вляпаться в историю хотя бы своей страны.

– Давайте знакомиться, – сразу к делу перешёл наш мыслитель. – Меня зовите просто Великий, хотя туземцы в задушевных беседах к этому ещё добавляют индийское Дада, что значит – старший брат, – и он пошёл по кругу с протянутой рукой.

– Дик Блуд, зверобой и траппер с берегов Онтарио, – первым представился я, с неясной целью прикидываясь охотником.

– Можно было и поближе подцепить, дружок, – непонятно сказал Великий Дада, отдёргивая руки и складывая их в индийском приветствии, – а в целом всё ясно, таёжный пролетарий и моя опора. Очень рад.

– Жан-Батист де Профурье, французский маркиз, как вы помните, – по-приятельски назвался марселец, не нарушая церемонии встречи.

– Помню, помню, батенька, – повеселел Великий, но руки тоже не подал. – Ещё не перековался? Дай срок, и укоротим вашего брата на голову. Очень рад.

– Отец Доменик, – просто сказал наш святоша, опустив очи долу.

– Бога нет, – рубанул Дада и развил мысль: – Мы церкви-то снесём, а попов к стенке поставим. Очень рад.

– А это наши помощники. В пути прибились, – сказал я, указывая на слуг, высунувшихся из своих углов.

– О, друзья мои, – с особой теплотой обратился Великий Дада к ним на таурском наречии и пожал руки, – путь к свободе у ваших ног! И мы свергнем могучей рукою гнёт и водрузим что надо! Очень и очень рад, – и, повернувшись к нам, добавил на французском: – Глаз с этих

идиотов не спускать, шаг в сторону – побег, при расстреле соблюдать очерёдность во избежание промаха.

Перезнакомившись со всеми, Дада организовал из нас с Жаном ядро своей партии, после чего разразился пламенной речью о положении дел на различных континентах, а закончив её лозунгом: «Долой войну до победного конца!» – мирно отошёл ко сну, привалясь к стене и на примере показывая бытовую неприхотливость.

Мы последовали его примеру, но я ещё долго думал о святой простоте нашего Верного Человека и его умению сразу раскусить собеседника. «Учиться, учиться и ещё раз учиться, хотя бы чему-нибудь», – уже засыпая, твердо решил я.

Ранним утром уже все были на ногах. Хаем наскоро приготовил завтрак из жареной оленины, риса и чая с тростниковым сиропом. А Великий Дада спозаранку повёл активный образ жизни, живо интересуясь нашим прошлым до седьмого колена, семейным положением, но особое внимание уделял отцу Доменику.

– Бог дал, он же и взял, – шутил он, передвигая миску с олениной от него к себе. – Да не оскудеет рука дающего, – и он до слёз смеялся, заражая нас весельем.

Священник разумно воспринимал дружеские пакости, не считая их гонениями на своё сословие, понимающе улыбался глазами и просил нас поспешить с отправкой его на родину. На что Дада, легко вникнув в суть проблемы, обещал посильное содействие в высылке инакомыслящего за пределы Бенгалии, но лишь по окончании военных действий и установления желанной туземным народом диктатуры.

– С радостью выдворил бы вас немедленно, – объяснял он отцу Доменику, – но не могу по причине человеколюбия. Придётся вам пока что потрудиться на наше общее дело.

Проповедник трудиться на сомнительное, с его точки зрения, дело желания не проявлял, но в силу безвыходности положения всё же согласился выполнять мелкие поручения, не противоречащие канонам церкви.

После обильного завтрака, Дада посоветовал преподобному заняться просвещением наших слуг, не спуская с них глаз, а нас с Жаном созвал на очередное заседание в тени пальм и фикусов.

Сообщив во вступительном слове о расстановке кастовых сил в Бенгалии, Дада объявил, что пробудет с нами какое-то время, налаживая работу нашей организации и собирая членские взносы. А о плане задуманной операции и нашем в ней участии теоретик обещал сообщить в другой раз на экстренном совещании. Пока же нам с французом предписывалось внедриться в отряды англичан под видом волонтёров и вести разведку с целью выяснения сроков штурма крепости и направления главного удара, хотя иного пути, как прямо на ворота, просто не могло и быть. Однако мы с Жаном не роптали, вполне удовлетворившись первой частью задания.

Таким образом, мы все оказались при деле, забеременевшие ответственностью за порученное дело, как последние институтки.

* * *

Буквально на следующий день мы с маркизом направили все свои усилия, чтобы встать под знамёна англичан в качестве сознательных и на всё готовых добровольцев.

– Джентльмены, – сказал нам командир гвардейских улан капитан Крис Делузи, удостоив аудиенции, – моё правительство и лично королева Виктория высоко ценят проявление доброй воли и единомыслия в вопросах нашей внешней политики со стороны иностранных подданных. Мы с вами, можно сказать, в общей европейской колыбели, поэтому ваше стремление послужить правому делу колонизации варваров мне весьма симпатично и понятно. Метрополии не хватает надёжных рук, чтобы постоянно держать в узде коренной сброд колоний, а посему мы вынуждены порой прибегать к незначительному насилию над некоторой агрессив-

ной его частью, загоняя железным посохом вооружённой власти тёмных аборигенов на путь процветания. Я надеюсь, вы не страдаете обострённым чувством щепетильности и болезнью, так называемых, чистых рук?

– Нет, сэръ, – за нас обоих твердо ответил я, – отправить на тот свет десяток-другой повстанцев ради общего порядка и спокойствия мы не постесняемся, а если будет ждать достойная награда, то нас и родная мамаша не остановит. Так что можете полностью положить на нас.

– Достойный ответ белого человека, – одобрил моё заявление капитан. – С этого дня я ставлю вас на полное котловое и денежное довольствие в моём отряде. По окончании же нашей миссии, вам, мистер Блуд, как выходцу, согласно родословной, из Англии, будет пожалован орден Великого Офицерского Зонтика с подвязкой и титул субдара Декана, что равно маршалу Великобритании. Вас же, месье де Профурье, наградит правительство дружественной Франции орденом Почётного Легиона по нашему ходатайству. Надеюсь, вы довольны, господа?

– Да, наш капитан, – единодушно ответили мы.

– И ещё одно, джентльмены! – заканчивая приём, произнёс командир отряда. – Восстание сипаев в Гоурдвар-Сикри спровоцировано так называемым международным борцом за всеобщее равенство, лицом без прописки к какой-либо определённой территории и регулярно выдворяемым из развитых государств. Этот человек присвоил себе браминскую учёную степень пандита и просветителя, и туземцы так и называют его – Пандит-гуру. Снюхавшись с Куавер-султаном, он убедил его начать восстание за независимость Бенгалии, практически становясь идейным вдохновителем бунта. Его конечные цели нам не вполне ясны, однако в настоящее время агитаторы этого авантюриста сеют смуту среди наших солдат, призывая к немедленному прекращению осады крепости. Поэтому за голову Пандита-гуру наше правительство готово выплатить сто тысяч фунтов гонорара и провозгласить национальным героем человека, схватившего негодяя или способствующего поимке этого монстра.

Я сразу догадался, что речь идёт о нашем новоявленном товарище, и чуть было не соблазнился наградной суммой, но вмешался Жан:

– Мой капитан, если этот проходимец встретится на нашем пути, то будьте уверены, что его череп украсит антропологическую коллекцию Британского музея.

– Будем надеяться, что первыми осмотрим этот экспонат, – прощаясь, пошутил капитан.

Уже выходя из палатки командира, француз растолковал мне, что передать Великого в надёжные руки британского правосудия мы всегда успеем, а в настоящее время нам выгоднее не суетиться, а наблюдать за дальнейшим ходом событий.

Вот так мы и поступили на службу к Её Величеству. Жан в качестве квартирмейстера, а я, принимая во внимание моё знание лошадей, был определён в обоз подручным ветеринара с правом оказания последней помощи человеку.

Окрылённые удачами по службе, мы поспешили к развалинам, решив до времени не радовать Великого суммой выкупа за его черепную коробку.

* * *

Вся компания была в сборе. Отец Доменик разучивал псалмы с нашими слугами, расторопный Хаем стряпал обед, а Дада что-то царапал на пальмовых листьях в личном шалашике специально выстроенном для него махратом. За это время мы привыкли к своему гостю и уже общались с ним без былого трепета.

– Всё листы переводите в творческом порыве? – поинтересовался у него Жан.

– Как видите, – бодро отвечал мыслитель. – Сочиняю тезисы и прочие руководства к действию. А каковы ваши успехи?

Мы чётко доложили, чем очень порадовали мыслителя. Он, потирая руки, изрёк:

– Правильной дорогой идёте, братья. Мы станем-таки могильщиками капитала и застрельщиками его придержателей, сплывав в семь сорок джигу на их гробах.

Танцевать на погосте мне не хотелось и я напрямую спросил Великого о дальнейших планах.

– Цели ясны, как пролитая слеза ребёнка, – последовало в ответ. – Их, собственно говоря, две. И хоть они на первый взгляд исключают друг друга, но ведут к одному результату.

Тут мне показалось, что от обилия образования Великий Дада стал уже непонятен сам себе, но перечить не стал, чтобы не обострять его недуг.

– Первая, – меж тем начал углубляться в рассуждения мыслитель, прогуливаясь около нас и дирижируя руками, – это путём пропаганды заставить противников возлюбить друг друга, а когда солдаты и сипаи побратаются, то с их помощью свергнуть тиранию султана и командной верхушки английской армии. И тогда мы берём власть и её имущество в свои руки, назначаем выборных исполнителей своей воли на местах, объявляем Гоурдвар-Сикри суверенным государством и ведём торговлю и освободительные войны со всеми кому не лень.

Власть меня мало заинтересовала, но возможность обладания чьим-то имуществом вызвало новый приступ доверия к Учителю. И я тихо порадовался, что вовремя уступил Жану, не сдав в горячку голову Пандита трибуналу.

– Может, завтра и начнём братание, а в последующем и осестрение? – нетерпеливо осведомился француз, явно намекая на султанский гарем.

– Торопите события, дружок, – снисходительно глянул на него наш предводитель. – Разжигание взаимной дружбы – это вам не конституцию написать. Здесь нужна долгая и кропотливая работа по промыванию мозгов. И этот план был бы осуществлён без вашего участия, не вмешайся в ход событий полковник Говелак со своими шотландцами. С его приходом мои наработки ставятся под угрозу срыва в связи с возможностью штурма крепости ещё до полного разоружения враждующих сторон.

– Выходит, стрельбы не избежать, чего не скажешь о наших денежках, – угрюмо заметил марселец.

Великий Дада, метко обозвав Жана штатской сволочью, невозмутимо продолжил:

– В связи с изменившейся обстановкой между сцепившимися народами, на передний рубеж выдвигается вторая цель. Необходимо немедленно начать разъяснительную работу среди бунтовщиков о необходимости сдачи крепости без боя и проигрыше в войне правительства султана, чтобы затем обескровленного царька с молчаливой помощью англичан свергнуть с прогнившего трона. Таким образом мы всё-таки становимся достаточно свободными, чтобы откупиться частью имущества от колонизаторов и с их разрешения провозгласить Гоурдвар-Сикри опять же суверенным государством и начать торговлю и освободительный войны с кем придётся.

Такая изворотливость ума под нагим черепом заставила бы изумиться любого активного иезуита, а что до меня, то я и думать забыл о возможной сделке с капитаном Делузи.

– Да-а, – протянул я, – не зря вас гонят взашей со всех обжитых территорий!

– Попрошу без личных выпадов! – рявкнул Дада. – Я не закончил. Итак, для осуществления вышеизложенного вы мне и понадобились. Сейчас султан под моим влиянием трезво оценивает, обстановку и занимается сокрытием сокровищ в тайниках крепости. Как советник и секретарь я имею план этих укрытий, так что после осуществления моих планов и вне зависимости от дальнейшей судьбы тирана, мы сможем изъять все ценности самостоятельно, если будем действовать как одна загребущая рука, чтобы раздать их поровну малоимущему населению.

– Только этого нам и не хватало, – грубо перебил я теоретика. – Кто-то напрягает мозги над планами, другие, считай, же полезли под пули, и всё это ради каких-то неприкасаемых,

которым и без денег жить привычно. Да лучше сплясать шотландскую джигу на рее за контрабанду, чем в здравом уме заниматься благотворительностью!

– Какое скудоумие! – огорчённо всплеснул руками наш Вождь. – Как далеки вы от истинного понимания подоплёки событий! Словно труд от капитала. Мы раздадим наше общее богатство тогда, когда массы дорастут сознанием до его необходимости, а этот процесс протянется не одно поколение неимущих.

– Тогда другое дело, – сразу успокоился я. – Тогда поделить всегда успеем, и главное, по справедливости, не жалея слов.

– Делаете успехи, – похвалил меня гений передела. – А кстати, вы вовремя завербовали попа и приручили этих мартышек-мали, то бишь слуг. Божий прихвостень сможет свободно разгуливать между враждующими, собирая информацию как наш связной, а мали всегда потребуются в качестве носильщиков.

– И у нас головы работают не только в обеденное время, – вставил Жан.

– А теперь о главном, – продолжил Великий, пропуская реплику мимо ушей. – Так как с приходом шотландцев ситуация выходит из-под контроля, забудьте то, о чём толковал ранее, – и он с превосходством орла над домашней птицей оглядел нас. – Наша задача на данный период – нести исправно службу подальше от посторонних глаз, не упуская возможности выяснения времени штурма и сообщения мне об этом через божьего посланника. А с развитием боевых действий, ворваться вслед за штурмующими отрядами в крепость, где я вас и встречу как освободителей. О султанах и прочих приближённых к сокровищам царедворцах прошу не беспокоиться, – туманно, но человеколюбиво закончил он.

– Пусть англичане заботятся, – согласился я. – Нам и с сокровищами хлопот хватит надолго.

– Справедливо изволили заметить, – прищурился на меня вождь и пошутил: – Нам будет на что помянуть угнетённых, когда они получат вечную свободу. Но к делу! В ближайшее время я возвращаюсь в крепость для дальнейшей созидательной работы, а вы продолжаете нести службу на вверенных постах, – и он засеменял к шалашику, бормоча под нос о необходимости наложения на что-то резолюций.

– Очень всё заумно придумано, – уже наедине с Жаном вымолвил я. – Кроме того, что твой Верный Человек имеет доступ к сокровищам султана, я, считай, ничего не понял в его планах. Мысли у него больно скользкие. Не заметим, как девственность потеряем, оставшись с сомнительным приплодом, но без средств к существованию.

Француз же схватывал всё буквально на лету. Я, например, идти и жевать одновременно не могу, где-нибудь оступаю, а этот месье может ещё и разговаривать.

– Дорвёмся до золота, – подмигнул он мне, – а там можно будет и порадовать капитана Делузи. Лишний фунт кармана не оттянет.

– «Козлов накажу я». Господь сказал и сделал, – послышался за нашими спинами голос отца Доменика.

– Не каркай, Перси, – обернулся я. – Ведь и сам причастен к нашему стаду.

– Я-то по принуждению, поэтому грех не велик. Вы же со вниманием внемлете словам безбожника. Это о нём сказано в Писании: «Гибель вымышляет язык твой, как изощрённая бритва, он у тебя коварный».

– Граф, – остановил поток мудрых мыслей француз, – в нашем присутствии вам желательно оставаться Перси Хервеем, почти нашим сверстником, но ни черта не понимающим в практической жизни, а многомудрому отцу Доменику, ровеснику библейских времён, уподобляйтесь при общении с туземцами. Кстати, отправьте-ка их в джунгли за веселящим соком дерева мохуа. Отметим за вечерней трапезой прожитый в тревогах день.

* * *

Той же ночью, почуяв неладное, Великий Дада покинул нас, удалившись тайной тропой в крепость под защитой верного махрата.

Интуиция не подвела вождя. На следующий день, задолго до обеда, под стены Гоурдвар-Сикри подошёл долгожданный англичанами полк шотландцев с полковником Говелаком во главе. Это событие нам всем прибавило забот. Маркиз без устали занимался расквартированием вновь прибывших, организовав обменный жилой фонд на паях со мной. А я ревизировал конную тягу и давал советы захворавшим воинам, которые, несмотря на это, изредка выживали, создавая тем самым мне рекламу и авторитет. Отец Доменик, свободно просачиваясь в крепость как божий слуга, держал Великого в курсе всех событий. А по тому, как весь последующий день солдаты драили ружья и переодевались в чистое, можно было сделать вывод о приближении времени штурма.

Тогда-то я напрямую и спросил капитана Делузи, врача копыто его кобылы:

– Мистер, а не пора ли нам сделать кровопускание повстанцам?

– Завтра, дорогой Блуд, завтра на рассвете, – ответил военачальник, как-то по особому тепло глянув на меня.

Однако разговорчивость Криса мне не понравилась. Я разволновался и весь день провёл в бегах по позициям, выбирая удобное укрытие для завтрашнего боя, а подвернувшегося под руку отца Доменика немедленно отправил к вождю с донесением о самолично проведённой разведке.

В очередной раз обегая вокруг крепости, я заметил выходящего из палатки полковника Говелака и капитана Делузи. И каково же было моё удивление, когда рядом с ним я увидел своего старого знакомого. Крис доверительно беседовал не с кем иным, как с капитаном «Ски-тальца джунглей»!

Ничто так не сблизает, как морские путешествия, поэтому я, обрадованный сверх меры, сразу же хотел броситься в объятия к Медноголовому, но вовремя остановился. Мне показалась подозрительной дружба морского волка с сухопутной крысой, а всего более то, что Хью сам не нанёс мне визит вежливости, ибо слава лекаря, бежавшая впереди меня сломя голову, без сомнения указала бы ему верный путь.

Ночью мы с Жаном провели небольшое совещание без протокола, но не найдя разумного объяснения случайной встрече наших знакомых, решили наутро держаться друг за друга, быть во всеоружии и подальше от горячих шотландцев.

Глава 4

ПАДЕНИЕ ТВЕРДЫНИ

Взятие осаждённой крепости штурмом является большим воинским искусством, особенно если учесть то обстоятельство, что её защитники, как правило, сами вымирают от голода и тоски, если им не мешать. Однако всякий опытный полководец знает, что таким пассивным путём славы не стяжешь, как и не содрогнёшь любопытствующий мир отсутствием крови на полях сражений. Да и гарнизон любой крепости, оставь его спокойно отходить в мир иной, будет крайне недоволен таким поведением осаждающих. Гарнизону тоже необходимо покрыть себя славой, а не пылью веков.

Ранним утром в день штурма я доходчиво и с оружием в руках напомнил нашим слугам о необходимости защиты в бою белых сагибов ценой собственной туземной жизни. Чтобы уроки пошли впрок, я их расстрелял без суда и следствия холостыми зарядами. В ответ на это Рама-Сита осыпал меня благодарностями на незнакомом мне языке, а Эбанат Датто долго бился в почтительной истерике, закаляя нервную систему. И мы все были довольны проведёнными практическими занятиями.

Таилась наша клика в секрете за обозами до позднего вечера, но штурма так и не последовало. Видимо военный механизм дал сбой, а мы маху со всего плеча. Вернувшийся же из крепости отец Доменик передал нам такое слово приветов от вождя, что даже из уст верующего оно прозвучало несколько резковато.

В наступившее за этим пасмурным для души утром, я пробудился от звуков канонады и яростных криков лужёных глоток. Спросонья решив, что атакуют наш лагерь, я разумно отступил на заранее подготовленные позиции в джунглях и залёг среди корневищ тиковых деревьев, готовясь дорого отдать жизнь, если она кому-то потребуется. Оружия я в спешке не прихватил, а поэтому решил обороняться доступным словом и смелым манёвром.

– Сердар, – вдруг услышал я над своей головой чей-то голос – начался штурм крепости, а ты собираешься посмотреть на это своими глазами.

Поднявшись, как ни в чём не бывало, я поискал туманным взглядом говорящего и увидел рядом с собой Рама-Ситу.

– Сам вижу, – независимо осветил я слуге и пошёл собирать друзей.

Когда все оказались на месте, я объявил военное положение и принял грамотное решение о постепенном выдвижении на театр военных действий, чтобы попасть в крепость в самый разгар победы. Пробиваться к цели решили поодиночке, так как группа не занятых войной людей на поле брани могла привлечь нездоровое внимание враждующих сторон. Слуги, естественно, оставались при своих господах, а святого отца должен был хранить сам Господь.

Свой командный пункт я обосновал в стороне от главного удара, но оставив центральные ворота крепости в пределах видимости, лелея мечту о добровольной сдаче сипаями их твердыни доблестным английским войскам.

Однако, когда я уже прочно угнездился в своей ставке, то никакой добровольности в развернувшимся передо мной кошмаре не увидел, тем более, что пушки к этому времени своё уже отработали. Поэтому кое-где в стенах крепости уже зияли пробоины с живописными останками защитников возле них. Озверевшие шотландцы под завывание волюнок карабкались по лестницам на стены в поисках смерти, размахивая холодным оружием, а не менее озверевшие защитники силились спихнуть их с шатких опор ещё живыми прямо на головы напавших снизу англичан, временами поливая штурмующих чем-то горячим, если судить по струящемуся с земли пару. И редко кто из свалившихся продолжал поступательное движение. Но штурмующих было так много, что выбывшие из строя никак не влияли на ход кампании.

Индусам, как ни странно, тоже было не до веселья. Каждый новый ружейный залп усердно прореживал их ряды, а оступившийся в горячке защитник, падая со стены и не успевая надёжно приземлиться, бывал тут же поднят, но на штыки. Кровь лилась рекой, хотя на красных мундирах воинов метрополии была не так и заметна, но оставляла впечатление брэнности.

А тем временем на стенах крепости всё шло своим чередом, и конца этому занятию не предвиделось. Вокруг меня свистели пули и завывали ядра, но я смело лежал под прицельным огнём надёжно прикрытый Рама-Ситой. Несколько раз в моё поле зрения, но в стороне от пекла, попадал отчаянный француз. Он смело перемещался по полю битвы в нейтральной полосе, словно по набережной Ольетты родного Марселя. Отца же Доменика на поле брани мне наблюдать так и не пришлось. Правда, вспоминая штурм, Перси живописал нам о своей духовной помощи отходящим у стен, но это, скорее, была боголюбезная бравада, нежели приступы совести. Кто ползет под пулю, чтобы прикрыть уже ничего не видящие глаза?

Бой не утихал. Но по тому, как шотландцы всё проворнее и гуще взбирались на стены, можно было судить, что перевес на их стороне. И действительно, довольно скоро под напором штурмующих рухнули ворота крепости, и всё военное действие переместилось, внутрь цитадели. И ничего интересного, кроме мелких стычек недобитых друг другом противников, с внешней стороны крепости уже не происходило. Поэтому я, несколько выждав, чтобы остыть от

боя, окольными путями направился к поверженной твердыне султанства, намериваясь разыскать там нашего предводителя, а заодно и прицениться к трофеям.

В крепости бурлила мирная жизнь. Регулярные английские войска занимались повседневными делами. Чистили обмундирование и дворец султана. Радость победы ещё не омрачил поминальный список убиенных, поэтому доблестные солдаты, как и подобает победителям, уверенно и умело осваивали захваченную территорию, вплоть до оставшихся не у дел женщин.

Убитые, разбросанные по всей крепости, ещё не подверглись сортировке, а потому лежали кучно и без ритуальных излишеств. Раненые шотландцы ютились вдоль стен, помогая в беде один другому.

Посредине крепостной площади под штыками англичан грелись на солнцепёке пленные индусы. Испытав горечь поражения и на этот раз, они, тем не менее, держались один за другого гордо и независимо, коротая время в ожидании расстрела за монотонным распеванием мантр. Находящиеся среди них раненые за жизнь уже не боролись, надеясь попасть на суд Индры ещё до расстрельного пушечного залпа. Вообще-то пленных было немного, так что очереди к оружейным жерлам не предвиделось.

Я не спеша бродил по крепости, стараясь отыскать своих друзей и беспрерывно оказывая особо нуждающимся первую помощь добрым советом. За мной тенью следовал Рама-Сита, вопреки всяким ожиданиям, живой и ещё более привязавшийся ко мне за время боёв.

Обследовав открытые пространства цитадели, я принялся за дворец султана, но в его многочисленных залах и подсобных помещениях уже нечего было взять даже на память. И меня приятно поразила расторопная хозяйственность освободителей.

В одном из закоулков я лицом к лицу столкнулся с капитаном Делузи.

– Дорогой Крис, благодаренье богу, вас не убило? – удивлённо вскричал я.

– Как видите, мистер Блуд, – спокойно ответил он и в свою очередь поинтересовался: – Вы кого-то ищите?

– Раненых, капитан, – нашёлся я, – раненых героев, чтобы оказать посильную помощь.

– А мне показалось, что кого-то другого. Кстати, вы не забыли об обещанной награде за голову Пандита-гуру? Мне думается, что вы весьма практичный человек и своего не упустите. Вам случайно не известно, где он может находиться?

– Нет, мой капитан, – чистосердечно признался я. – А вы полагаете, что этот подлый человек всё ещё в крепости?

– Не только в крепости, но, как недавно признался верный телохранитель султана Канчонмала, искренне жаль, что бедняга не успел толком разговориться, этот вездесущий Пандит сумел похитить основные ценности султана, принадлежащие нам по праву, и в настоящее время где-то скрывается в лабиринтах здешних подземелий.

Это известие меня взбодрило, и я решил вытянуть из недалёкого капитана как можно больше полезных сведений:

– А почему бы не прижать самого султана? Я бы и сам принял горячее участие в беседе с ним. Он-то должен знать устройство своих владений.

– Как ни печально, мой верный Блуд, но его нашли уже холодным. Приняв смерть от укуса кобры, он унёс в могилу все свои тайны, – скорбно ответил капитан.

Для меня картина полностью прояснилась. Наш Великий Дада успел-таки укрыться где-то в подземельях, прихватив с собою все сокровища. Безвременная же кончина султана, несомненно, дело рук, преданного старшему брату, Ран Мохаем Рая. Думаю, что и остальные свидетели сокровища не избежали такой же участи. А так как вдвоём нашим казначеям не под силу справиться с привалившим богатством, то, несомненно, они будут ждать удобного случая, чтобы выйти с нами на связь. Итак, всё складывалось более-менее удачно.

Меж тем, уже прощаясь, капитан сказал:

– Если вы ищете своего друга-квартирмейстера, то я его повстречал в левом крыле дворца. А если охотитесь в одиночку за Пандитом, то, найдя этого вора, не считите за труд доставить пройдоху полковнику Говелаку, и ваше имя навсегда впишете в историю освободительных походов Великобритании. Надеюсь, вы сделаете правильный выбор.

– Спасибо за доверие, мой капитан, – поблагодарил я, хотя и почувствовал в слова некую скрытую угрозу, а может быть и дружеское предупреждение.

Однако размышлять о пустяках времени не было, и я поспешил в указанном направлении, желая поскорей обнять друга,

Француз был цел и невредим и даже успел обзавестись некоторыми дворцовыми сувенирами. А находившийся рядом отец Доменик, видя меня без признаков инвалидности, так растрогался, что начал говорить нормальным языком без цитат из Святого Писания.

Мои боевые товарищи уже присмотрели покои для отдыха, и пока расторопные слуги рыскали в поисках провианта, мы начали щедро делиться воспоминаниями о схватке, смело критикуя неумную расстановку сил сражавшихся и сходясь во мнении о бездарности командиров и начальников обеих сторон.

Туземцы вернулись не только с рисовыми лепёшками, но и с бутылкой шартреза, что позволило нам с Жаном ещё более раскованно продолжить обсуждение общих задач армии Её Величества в Индии. От близкой нам военной тематики мы перешли к решению собственных проблем, но наговорив друг другу гадостей, ничего не решили. Когда же словесная баталия перешла в физическое противостояние, вмешался наш миролюбивый пастырь.

– Дети мои, не впадайте в скудоумие, – сказал он, становясь между нами. – Смирненно ждите вестей от своего совратителя, и он сам найдёт вас.

Пожалуй, это было единственно верное решение. Если не сам Великий, то его подельник обязательно найдёт нас.

– Тогда пройдусь по кулуарам, – уже спокойно произнёс Жан. – Вечерний моцион содействует укреплению нервной системы.

– Всенепременно, – поддакнул я. – Да и не могли же англичане растащить по углам весь гарем.

Глава 5

ЗНОЙНЫЕ ТРОФЕИ

В общем-то, дворец похож на ранчо, только просторнее, так что найти какой-нибудь предмет, понадобившийся истинному мужчине, ни тут, ни там с ходу невозможно. Мы до полуночи бродили по пустынным залам, но кроме неубранных кое-где защитников крепости, так ничего подходящего и не встретили. Хотя чувствовалось, что до победы англичан, жизнь во дворце была ключом. Небольшие комнаты, обставленные с восточной изысканностью и весьма подходившие для деловых свиданий наедине, огромные залы с фонтанами, где свет наших факелов не достигал противоположных стен, мраморные купальни с живой растительностью по краям и прочие излишки роскоши напрямую свидетельствовали об этом. Правда, сейчас всё это было основательно порушено и загажено освободителями, но хотелось верить, что Англия не пожалеет средств раджей и браминов для восстановления своей новой резиденции, а может быть и памятника боевой славы.

Безрезультатно обшарив всю наземную часть дворца, мы по широкой лестнице спустились в его нижние этажи, менее пострадавшие от военного любопытства. Здесь, по-видимому, находилась зона отдыха гостей и обитателей дворца, но точно сказать не могу, так как слабо разбираюсь в восточных тонкостях архитектуры.

Галереи и коридоры этой части дворца располагались таким мудрёным образом, что потерять нам свой собственный след большого труда не составило. Мы беспрестанно поворачивали

то вправо, то влево, периодически упираясь в тупики и возвращаясь назад, но всегда выходили на незнакомое место.

– Жан, – в который раз говорил я, – кажется, мы уже заглядывали в этот чулан.

– Нет, Дик, – почти всегда отвечал приунывший маркиз, – таких резных дверей мы ещё не встречали, а у меня отличная зрительная память.

– Лучше бы ты страдал близорукостью. Я бы тогда знал, что не на кого надеяться, – увядал я в тоске. – Лучше признайся, что мы заблудились.

– Не стоит паниковать, Дик. Бывали случаи, когда путешественники месяцами скитались по неведомым дебрям, обходясь без воды и пищи, черпая силы за счёт твёрдости духа и, порой, одного лишь спутника, но породистого.

И хотя я верил в благородство маркиза, душа моя томилась предчувствием беды, да и его самого надолго бы не хватило, как ни экономь. Так мы и брели наобум, потеряв счёт времени и изредка беседуя, но пока без признаков голода.

Скоро отделка стен сменилась простой землёй, проходы стали уже, а за ворот поползла сырость.

– Жан, не пора ли повернуть назад? – вновь начинал я свою песню. – Отец Доменик, поди, обеспокоился нашим отсутствием.

– Дик, – успокаивал меня француз, – мы столько раз поворачивали назад под твоим руководством, что теперь не определить, где перед. Не лучше ли двигаться в одном направлении. Авань, куда-нибудь да выйдем. Доверимся землекопам султана.

Взамен я ничего предложить не мог, поэтому мы продолжали поступательное движение по загустевшей грязи в сужающемся туннеле.

За очередным поворотом мы наткнулись на прилично сохранившиеся кости, прикованные цепью к столбу ещё в те времена, когда они сопутствовали человеку. Череп приветливо скалился, приветствуя нас в своей обители, и позволяя без стеснения разглядывать себя и наше предполагаемое будущее. Жан тихо заплакал, да и по моей щеке струёй скатилась не одна слеза, а тут ещё погасли факелы. Но нам и без света было ясно, что здесь нас вряд ли сыщёт даже могильный червяк.

Наши тела уже по инерции продолжали куда-то двигаться своим последним путём, оскользя и падая, безболезненно биясь о выступы стен. Маркиз запел старую народную песню на незнакомом языке, я подхватил, вспоминая просторы родных прерий. Волосы уже давно стояли дыбой, голова самовольно дёргалась, и кто-то из нас клацал зубами, как рыцарь забралом. Ни о каком самоедстве не помышлялось.

Вспомнив все забытые молитвы, я стал слагать и свои собственные, заолошно оглашая ими мрак скорбного пути. Мой отходящий друг, наоборот, начал веселиться, разражаясь первобытным смехом бабуина. Время остановилось вовсе.

Упав в очередной раз и уже не силась подняться, я вдруг услышал шелест над своею удалой головой, а приподняв её руками, рассмотрел перед собой фигуру в белом, отдалённо напоминающую человека с факелом в руке. Сразу уверовав в Шиву, я совершил индусский пронам, то есть распростёрся ниц у ног видения, сразу приготовившись к вознесению, так как срок погребения для меня миновал давно. Благочестивые индусы умирают на берегах Ганга, я же был готов где угодно, лишь бы не в подземелье, о чём слёзно и попросил этого низшего духа Дива.

– Поднимайтесь и ступайте за мной, – вдруг заговорил по-английски дух. – Напрасно вы спустились в лабиринты подземелий и зашли в туннель для приговорённых к мучительной смерти. Здесь нет ничего интересного для вас.

От звуков человеческой речи я воспрял духом, взор мой прояснился, и я увидел перед собой закутанного в белую материю до уровня глаз индуса. Меня даже не заинтересовало

неожиданное появление спасителя, так хотелось побыстрее выбраться на волю. Поэтому, ставя Жана на ноги, я лишь сказал туземцу:

– Ступай вперёд, а глупые советы побереги для себе подобных. Хватит и того, что ты помешал археологическим исследованиям белых господ.

По мере того, как проходы становились шире, а воздух суше, настроение моё улучшалось. А уж когда мы оказались перед знакомой широкой лестницей, ведущей наверх, то я и вовсе пришёл в себя.

– Кто тебя послал следить за нами, и почему ты не убит? – строго спросил я индуса.

Но тот вместо ответа сунул мне в руки факел и, отступив в сторону, скрылся во тьме одного из коридоров. Его наглость нас обескуражила, и мы долго стояли в немом удивлении, а когда бросились за аборигеном в погоню, его и след простыл. Ещё долго носились мы по пустынным залам, рискуя вновь оказаться в незавидном положении, пока не оказались в уже знакомом зале с бассейном.

– Жан, а не бросить ли нам тщетные поиски негодяя? – спросил я. – Тайное всегда становится явным, и мы когда-нибудь узнаем, кому ещё нужны, кроме самих себя. Лучше воспользуемся случаем и смоем грязь с наших чресл в этом водоёме, а то стало тяжело носить на себе это липкое бремя.

Жан не возражал, и через минуту мы уже плескались в тёплой воде, сбросив свои одежды. После купания прополоскали наше бельё и, развесив его для просушки возле окон, вольно развалились на уцелевшем диване.

Коротая время в неприбранном виде, мы в основном молчали, так как вести непринуждённую беседу голышом среди джентльменов не принято с самого детства. Они в подобных случаях довольствуются внутренним диалогом с собственным «я».

По прошествии некоторого времени до меня донеслись тихие звуки, похожие на безутешный плач ребёнка. Где-то явно скулили, по-человечески с надрывом и, похоже, не в одиночку. Я жестами обратил внимание Жана на эту странную ситуацию, и мы оба обратились в слух.

Скоро сомнения развеялись. Где-то поблизости плакали тонко и жалобно, как над безвременно усопшим. Соблюдая осторожность, мы поспешили на звук и упёрлись в закрытый портьерой оконный проём, мимо которого не раз проходили. Было ясно, что скулили за окном. Однако каково же было наше удивление, когда, откинув мешающие нам тряпки, мы ничего кроме глухой стены не обнаружили.

– Жан, – воскликнул я, – мне уже осточертели эти восточные загадки. Пойдём в свою конуру, а то вновь нарвёмся на неприятности.

Но любопытный француз не внял доброму совету. Он, как дятел в поисках корма, начал простукивать глухую стену и, как инвалид по зрению с детства, пытался ощупать её руками.

– Да хватит тебе стирать пыль с чужих стен, – вновь не выдержал я. – У нас ещё осталась капля шартреза, не будем терять попусту время...

Но как раз в это время Жан и достучался. Он, видимо, на что-то нажал, потому как часть стены сдвинулась, образовав узкий дверной проём, в который неугомонный марселец сразу же и устремился.

– Дик, – мгновением позже донёсся до меня его призывный голос, – скорее сюда!

Я, не раздумывая, бросился на выручку друга и в одну секунду оказался плечом к плечу с ним, смело глядя вперёд и готовый к схватке. Но то, что я увидел, потрясло меня с головы до пят и покрыло мурашками нервного озноба.

Пред моим изумлённым взором предстал будуар индийской дамы, обставленный со вкусом подобранной мебелью, и слабо освещённый восковыми свечами. В глубине помещения возвышалась широкая кровать под балдахином, а на ней возлежали в слезах две гурии лет до двадцати, что соответствовало по местным меркам ранней женской старости. Ложе было

украшено гирляндами цветов малоти и шефали, источавшими тонкий и пряный аромат, ударающий в голову необуздываемым желанием немедленного общения с дамами.

Девушки были укутаны в шёлковые кроваво-красные сари, как на свадебной церемонии. Их длинные волосы по местной моде были перевиты разноцветными шнурами, а ладони рук и ступней окрашены розовым цветом. Золотые браслеты на руках и ногах говорили о богатстве, а небольшие сандаловые тилаки, укрепленные в виде круглых пятнышек на лбу, свидетельствовали о знатности рода их носительниц. По всей вероятности, это были жалкие остатки овдовевшего гарема султана, а, возможно, просто наложницы, ожидающие своего приёмного часа. В этих восточных семейных отношениях я разбирался плохо. Одно знал, что, овдовев, женщина как бы становилась уже второго сорта и более доступной как близким, так и дальним родственникам, если не следовала за супругом на костёр. Из-за диких нравов туземцев, я редко радовал местный слабый пол лаской белого человека, разве что в самых прогрессивных весёлых портовых городах. А на рожи индусок я почти не обращал внимания, насмотревшись на коренное американское население. Все они были на одно лицо, как, например, китайцы. Да и фигурами здешние вертихвостки рознятся незначительно, сплошной тростник в позе лотоса. Словом, своим обликом эти вдовы меня не удивили, но женщина есть женщина, не посторонний для мужчины предмет, поэтому можно было бы их и утешить. Тем более, нас было двое. Однако соболезновать сразу и до возможных обмороков я поостерёгся, позволив им привыкнуть к нашему внезапному появлению. К чему спешка при лобовой атаке на деморализованного противника.

Вольно расставив ноги и раскачиваясь с независимым видом с пятки на носок, я ободряюще смотрел на затворниц, временами кланяясь и складывая ладони в традиционном приветствии. Весь мой облик при этом свидетельствовал, что я пришёл с миром. Рядом высился бессловесным столбом Жан, и тоже с миром.

Женщины перестали скулить, как бы впад в радостное оцепенение. Однако через минуту заверещали ещё более отчаянно, с закатыванием глаз и оборонительными движениями своих хилых ручонок, словно их одолевали тропические мухи. Такая активность слабосильного пола пришлась мне не по душе.

– Жан, не успокоить ли нам этих дам доступным мужчине способом? – поворачиваясь и закрывая дверь, спросил я маркиза и был неприятно поражён его неопрятным внешним видом.

Мало того, что он был вульгарно гол, как опустившийся неприкасаемый при зачистке отхожих мест, и схож с кобелём на собачьей свадьбе, так в дополнение к этому его всегда пышные усы висели жуткими лохмотьями, нагоняя естественный страх даже на меня.

– Месье, – немедленно сделал я ему замечание, – отойдите в тень, на вас лица нет. И прикройте свой восставший безмен какой-либо ветошью.

– Ты обратись на себя, моралист, – прошипел в ответ друг, метнувшись к дивану с подушками, находящемуся поодаль.

Я бегло осмотрел себя. Вид был довольно свежий и вполне искренний. И даже моё опухало, слегка раскачиваясь и задевая колено, не внушало опасений своим покорным видом. Правда, что до остальной одежды, так она напрочь отсутствовала по причине моей расторопности. Но к этому можно было вполне притерпеться, имея какой-никакой опыт амурных разборок. Тем не менее, Жан сунул мне в руки край подушки, и мы, прикрывая ею нашу общую распушенность, пошли знакомиться с леди, которые, видя миролюбивые намерения и дружеский настрой, тут же впали в счастливое забытие от предстоящего общения. Знакомились мы, приведя соблазнительниц в чувство, в основном, молча. Но это было и к лучшему, так как я, например, не люблю расспросы о своей биографии под горячую руку. Уяснили только, что одну звали Коллени, а другую Онаила. Имена были вполне доступные для понимания, грех жаловаться. Помню, в Бомбее я гулял с Чоттопадхайей в гостях у Протопшинхо. Так пока напоминал их имена, забыл, зачем пришёл.

Короче говоря, я выбрал Коллени и кровать, предоставив Жану возможность утешать Онилу на диване. Конечно, разумнее было озаботиться другими проблемами, но не возвращаться же на место стоянки с пустыми руками? Ведь немислимое для солдата дело, чтоб упустить свой трофей!

Свои ухаживания я начал с детального обследования Коллени. Но хотя это и был лично мой приз, взятый на поле брани с оружием в руках, выражаясь фигурально, особого насилия я не применял. Тем более, что сари рвалось легко – это вам не шерстяная юбка, но сама женщина оставалась целой.

Распеленав Коллени и аккуратно разложив её по кровати, я сразу проявил всю свою стойкость и волю. Хотя её трепещущий вид вызывал скупую слезу, я не опустил до ложного сострадания, да и военное положение не допускало гражданского слюнтяйства. Коллени же, видимо и сама понимала, что сопротивление при оказании первой помощи вредно и бесполезно, поэтому лежала покорно, как и всякая воспитанная восточная женщина, позволяя своему господину без суеты заниматься мужским делом.

Из индийских трактатов о любви я знал, что спешка в здешних краях не приводит к взаимопониманию и полной отдаче, но выступить по полной программе мне не позволяло безжалостное время. Поэтому пить нектар, есть финики, петь газели под ситар и орошаться настоями цветов я не стал, а перешёл сразу к телу. А оно у Коллени было мягким, как лепестки горчицы, и нежным, словно китайские шелка. Мои ладони, ещё недавно сжимавшие холодную сталь оружия, легко скользили по податливой плоти, замирая на бугорках груди, упругих, точно незрелые плоды манго. Всегда приятно приласкать женщину, если она не с твоего поля ягода.

Плоский и бархатный живот Коллени, с выступившими капельками пота от напрасного страха и предрассудков, так и манил прилечь в достойной позе для отдохновения на этом приятном ложе. Я бы так и сделал в запале чуждых мне страстей стороннего наблюдателя, но женщина всё ещё лежала сонным аллигатором, поэтому пришлось следовать положенному ритуалу, вызывая ответные чувства в чужом теле.

Пощекотав девицу за бёдра, что должно было означать как намёк на внебрачную связь, я смело сунулся к известному из индийской классики распущенному бутону живого лотоса. То, что попало в ладонь, на бутон не смахивало даже при беспредельном буйстве фантазии, хотя подмоченная распущенность ощущалась явно, что вполне было возможно по причине боязливой несдержанности дикарки.

«Терпение и ещё раз терпение, – вспомнил я, кстати, слова Жана, сказанные по поводу возможной сдачи головы нашего вождя в Британский музей. Удаче сопутствует манёвр!»

Успокоив себя мудрым словом, я без усердия немного помял лепестки росной кувшинки Коллени, стараясь не повредить её твёрдым, как копыто, ногтем. Этот нехитрый и доступный каждому влюблённому приём заставил аллигатора проснуться и прямо на глазах превратил в трепетную лань. Ресницы женщины дрогнули, глаза широко распахнулись, и она, за неимением права выбора, обвила меня своими тонкими лапками, заключив в объятия, известные в туземном народе, как прыжок к счастью, то есть стараясь опереться своим животом на что-то, принадлежавшее мне. То ли в колени, то ли в подбородок. И совсем не обязательно было топтать своим брюшком мужскую честь, как это делала Коллени со всей азиатской непосредственностью.

Я всё же стойко переносил эти проявления любви, моля бога, чтобы ей не пришлось в голову показать мне все шестьдесят четыре вида знакомых женщине искусств, которые должна знать каждая истинная индианка, начиная с песнопений и кончая владением боевой палицей. Я уже не говорю о той сотне с лишним способов проявления страсти, порождённых пытливым индийским умом, демонстрация которых для меня окончилась бы, как минимум, увечьем, а то и слабоумием.

Но всё обошлось. Коллени не стала раскручивать колесо страсти, простив мне необразованность европейца, а просто приняла открытую позицию супруги бога Индры, то есть задрала ноги выше головы, чем, между нами говоря, не брезгают и белые дамы. Это было мне духовно близко и привлекало доступностью. И я не стал себя упрашивать, а немедля заскакал козлом между двух смуглых столбов, как значатся женские нижние конечности в индийских инструкциях. Тренированная Коллени не упускала возможности помочь мне, подсакивая на ложе, как от укусов по крайней мере тарантулов, и охаживая меня по спине маленькими, но острыми кулачками. Возможно, как раз в эту ночь была её очередь встречи с султаном, утверждать не берусь, однако ярость её атак, уже не поддающихся моему контролю сверху, вполне допускала такое предположение. Было даже затруднительно решить – кто, кого и как тут любит.

Так или иначе, но моё истязание завершилось полным провалом памяти. Треволнения ночи и ужасы дня дали о себе знать. Да много ли человеку надо? Кусок хлеба, да любимая работа. А как раз её-то в последнее время мне и не доставало. Вот и обессилел, что называется, дорвавшись.

Затмение миновало быстро, но я всё продолжал согревать тело Коллени, распластавшись на нём сытой медузой, но духовно пустой, как дупло. Желания дальнейшего общения не было. Да к тому же, как говорится, труба зовёт и враг не дремлет! Я стал сползать с женщины, будучи мысленно уже в других трудах и заботах. Но как же далеко западному человеку, с его врождённым чувством меры, до восточной ненасытности! Едва я попытался выпростать свой томагавк на волю, как Коллени с упорством необъезженной кобылицы воспротивилась этому, видимо решив выработать весь мой мужской ресурс. После «феникса, порхающего в красной пещере» мне была показана «поющая обезьяна, держащаяся за дерево», а когда без перерыва сцепились «мандариновые утки», я понял, что маткина шейка для Коллени – копейка и запросился домой.

– Янки, ноу гоу хоум, – потребовала азиатка на сносном английском.

Показав в дальнейшем хорошее владение языком, она вновь взбодрила меня, и я согласился на «тёмную цикаду, цепляющуюся за ветку», но это уже был предел для моего, истощённого войной, организма. И Коллени, догадавшись по моей опавшей листве, прозванной китайским народом Ю Хэнь, что дальнейшее насилие бесполезно, отступилась от меня.

– Сердар, – любезно сказала она, – иди домой и восстанови силы фисташками и мёдом. Береги свой нефритовый стержень, он понравился мне. Придёшь сюда следующей ночью.

– А вдруг вас найдут англичане? – спросил я.

– Какие англичане, если сегодня ночью нас не захотел найти даже повелитель Куавер-султан? О, горе нам! Он разлюбил и покинул нас, и мы будем плакать две долгих луны, пока не наступит новое время предстать перед его очами.

До меня дошло, что женщины не знают истинного положения вещей, а их жалобный вой был попыткой привлечь к себе внимание то ли забывчивого султана, то ли евнуха. Я наскоро ввёл Коллени в курс событий последнего времени, и женщина неподдельно испугалась нашего стеснения такого количества одиноких мужчин во дворец. Мне пришлось заверить её в своём единичном праве на завоёванную собственность и посоветовать, не высовываться из убежища до будущей ночи.

– Мы не будем заниматься политикой, а так как супруг не взял нас с собою на костёр, то переходим со всем имуществом под твоё покровительство, о, новый свет наших очей, – заверила меня Коллени. – Здесь же у нас есть всё для поддержания жизненных сил и телесной формы.

Простились мы по-родственному тепло, но без скандала и, отодрав по пути Жана от Онилы, я покинул гостеприимный кров. Француз вышел следом. Свалявшись усами и изжёванным корневищем он напоминал куст шотландского чертополоха, бесцельно вырванного из родной почвы. От критики я воздержался, поэтому мы без лишних слов быстро облачились, в

уже высохшее обмундирование и направились в покой безгрешного Доменика, где и залегли спать, обессиленные, но с чувством исполненного долга на вражеской территории.

Утром, едва солнце успело пригреть наши головы, в комнату ворвались гвардейцы капитана Делузи.

– Вы арестованы, Дик Блуд, – заорал на меня сержант, обнажая саблю. – Сопротивление бесполезно, следуйте за нами!

Спросонья, потеряв способность даже к словесному противостоянию, на ослабевших ногах я поплёлся за стражниками. О немедленном побеге не могло быть и речи. Друзья остались лежать, как поражённые громом. Похоже, я попал в историю, и возможно в самый краткий её курс.

Глава 6 УЗНИК СОВЕСТИ

Семья в целом, а острог в частности, имеют для человека огромное воспитательное значение. В чём не успели родители, с лихвой восполнит тюремная камера. Решающего значения при этом не имеет за что и на сколько сел, но если впереди маячит виселица, значит, жизнь прожита не зря и есть что вспомнить предрассветной порой последней ночи. Это я усвоил давно и надолго.

Застенок каземата, куда меня бросили английские собаки, встретил меня гробовой тишиной и могильной сыростью. В щель под низким потолком едва пробивался свет зародившегося дня, скудно освещая плесень стен и камень пола. Глухая железная дверь дополняла убранство моего, возможно, последнего приюта. Хотелось рвать волосы на всём теле и горько смеяться над разбитой судьбой.

Я метался по каменной западне, делая по три шага в любую сторону, и не мог припомнить ни одной серьёзной провинности перед королевой Викторией. Моя безупречная служба в рядах её армии не позволяла взять под сомнение мою лояльность к режиму. Мелкие прегрешения в Бомбее не заслуживали столь сурового наказания, а что до связи с Пандит-гуру, то она была скорее теоретической, если судить по истинному положению дел, и не принесла никакой практической пользы.

Я терялся в догадках и пробовал разработать план побега. Кроме подкопа, ничего в голову не приходило, но сломав ногти о камни моего узилища, я отбросил эту мысль подальше, как непристойную.

До полудня ко мне не ступала нога человека, а во второй половине дня, судя по перемещению светового пятна на стене, я сам справился с потрясением и был готов давать любые показания.

Ближе к вечеру за мной зашли два дюжих стражника. Я обрадовался им как ребёнок соске, но разговора не получилось. Эти кретины, толкая в спину прикладами, вывели меня на площадь, уже свободную от пленников, и повели прямо к прекрасно оборудованной виселице на три персоны. Неприличными жестами показав, что испытание этого сооружения ляжет на мою шею, но однако не повесив, ублюдки провели меня во дворец и, мною же открыв дверь, втолкнули внутрь одного из залов, куда я беспрепятственно влетел с гордо поднятой головой.

Приподнявшись на четвереньки, тупо огляделся. В зале ничего необычного не было, кроме сидящих за столом полковника Говелака и капитана Делузи, да стоящего у окна в вызывающей позе моего приятеля Хью. Медноголовая сволочь даже не сделала шага в мою сторону, чтобы радушно приветствовать старого друга. Я с достоинством выпрямился и, еле сдерживая негодование, произнёс:

– Господа! Прежде чем вступить с вами в беседу, прошу пригласить сюда американского консула и моего нью-йоркского адвоката.

– Заткнись, придурок, – тут же посоветовал Хью, – а не то придётся пригласить палача раньше отпущенного тебе срока.

Я быстро успокоился, так как международные формальности были соблюдены.

– Мистер Блуд, – взял слово капитан Делузи, – вы обвиняетесь в измене интересам Великобритании, на службе у которой состоите в качестве волонтера. В военное время это карается смертной казнью. Не скрою, ваша судьба полностью в ваших же руках, и от того, на сколь чисто-сердечно вы раскаетесь и насколько правдивы будут ваши показания, зависит ваша жизнь. И поверьте, мы не испытываем особого желания лишать её вас. Даже наоборот, человек такого склада ума нужен нам живым.

То, что от меня чего-то хотели, значило одно – я мог поторговаться, что само собой уже вселяло надежду на мирный исход переговоров. Ведь всё, что касалось обещаний, я мог дать, не сходя с места. Поэтому я уверенно произнёс:

– Джентльмены, я всегда говорил, что подданные королевы Виктории могут всегда положиться на меня. Задавайте любые вопросы, даже интимного свойства.

– В таком случае, мистер Блуд, – капитан был сама приветливость, – скажите нам, давно ли вы знакомы с Пандитом-гуру?

Мне всё стало ясно: их интересовал наш общий знакомый. Сразу отлегло от сердца и пришла уверенность. Но так как у Великого были все нити к богатству султана, то я решил отвечать честно, однако, без глупостей.

– Этого пройдоху я знаю как облупленного со дня поступления на действительную военную службу к вам, – складно начал я давать показания. – Именно в тот день он явился к месту нашей дислокации с целью вербовки в стан противника. Я, преисполнившись негодования и чтобы не отвлекать вас от более важных ратных дел, тут же приговорил негодяя к расстрелу с последующим представлением его головы командованию регулярных английских войск для качественного опознания, однако отщепенцу от белого сословия удалось бежать под покровом ночи в неизвестном направлении. – А далее в своей речи я подробно осветил вопросы гужевого транспорта на вверенных мне участках фронта и, призвав всех к бдительности, закончил: – Не смею более занимать ваше драгоценное время, господа, а потому, с вашего разрешения, позвольте откланяться.

Я уже было направился к двери, как меня остановил бесцеремонный окрик Медноголового:

– Не торопись, парень! Эти песни будешь петь у дверей ада, куда очень скоро поступишься. Ты за кого держишь господ офицеров? – и он угрожающе отвалился от окна.

– Попрошу без рукоблудия! – едва сдерживая себя, воскликнул я.

– Крис, позволь мне вытряхнуть дурь из этого идиота? – риторически спросил скотина Хью. И не успел капитан отрицательно ответить, как бывший друг огорчил меня увесистым кулаком, свалив на пол. Это надругательство над личностью основательно вывело меня из равновесия, и я почти бросился на обидчика. Удержало лишь присутствие при этой дикой сцене столь почтенного джентльмена, как полковник Говелак.

– Зачем так грубо? – впервые вмешался он в разговор. – Поберегите ваши оплеухи для туземцев. Мистер Блуд не будет больше лгать. Капитан, напомните нашему гостю истинное положение дел на сегодняшний день, – повернулся он к Делузи.

– Дорогой Дик, – с готовностью откликнулся тот, – вы действительно, мягко говоря, отступаете от правды. Дело в том, что нам известен каждый ваш шаг от Пондишери до стен этой крепости. Мы также знаем, что вы являетесь политическим единомышленником Пандита, который, втёршись в доверие к султану, ограбил его и в настоящее время, с принадлежащими нам по праву драгоценностями, скрывается в подземельях дворца. Поэтому будьте любезны сообщить нам, где его логово. Лишь тогда вы избежите участи предателя и будете просто выдворены из Индии, а там пусть будет бог вам судьёй.

– Мой капитан! – вскричал я. – Но ведь мне действительно не известно, где скрывается этот пройдоха. Он как смотался из нашего лагеря, так мы его больше и не видели, а я лично всегда на вашей стороне в борьбе за правое дело.

– Блуд, вы соврали во второй раз, – перебил меня полковник. – Не допустите третьего промаха.

Хью не допустил и второго.

Поднимаясь и отряхивая остатки одежды, я с болью и путано произнёс:

– Господа, вы же знаете, чего и я не знаю, если знаете мой каждый шаг.

– Ещё как знаешь, – вдруг сорвался с цепи Медноголовый. – Какого дьявола ты потащился в подземелье, если не на встречу с Пандидом. Когда заметил слежку, ловко разыграл перед Рама-Ситой заблудшую овцу. Прояви индус хоть каплю смекалки, отыскав вас в лабиринтах подземелья и не прими твоё фиглярство за чистую монету, мы бы давно накрыли вашу противозаконную организацию.

Как только я услышал имя собственного слуги, мне стало ясно, что судьбы мои знают всё, кроме того, чего не знаю я сам. А это уже было чревато. Дело в том, что мы не очень-то стеснялись в разговорах при слугах. И выходило, что проклятые туземцы шпионили за нами от самой Калькутты.

– Так какие же инструкции вы получила от своего Гуру при встрече? – прервал вопросом мои грустные выводы Делузи.

– Да не было никакой встречи, – заорал я. – Мы заблудились, осматривая дворец, клянусь незабвенной мамой, никаких поручений от Гуру я не получал. А если вам не трудно, то устройте мне побег без тяжких последствий и я доставлю вам этого переселенца в чужие территории!

Лёжа на полу, я долго соображал, когда же успел так здорово надраться. Пол подо мной кренился, а из носа текла тёплая струя моей свежей крови.

«Видимо случился апоплексический удар, – тревожно подумалось мне. – Необходимо серьёзно заняться здоровьем и упорядочить половую жизнь».

Когда же, пересилив недомогание, я в который уже раз встал на четвереньки и поднял многострадальную голову, то изумлённо увидел потирающего кулак Хью. И причина недомогания сразу прояснилась.

– Очень жаль, – пробился до моего создания голос полковника, – но вы изволили скрыть правду и в третий раз. Ведь заставив нас одним лишь видом своего голого зада во дворце султана, временно, до совершения очистительного омовения, прекратить слежку, ты со своим сообщником сумел выскользнуть из зала и целую ночь якшался с Пандитом, совмещая приятное с полезным. Мерзкая тварь, да только за твои скотские наклонности тебя, предварительно обув в «испанские сапоги», необходимо колесовать на глазах всей армии. Верёвка для твоей шеи, что галстук для джентльмена, – с этими словами, потеряв интерес ко мне, он обратился к Делузи и Хью:

– Господа, я считаю, что нет необходимости и дальше утомлять себя бредом этого негодяя и извращенца. С ним нужно кончать. Однако, дабы не спугнуть его сообщников, в приговоре необходимо отметить, что он лишается жизни отнюдь не по политическим мотивам, а лишь за мерзостное мужеложство. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Для соблюдения формальностей соберите трибунал, как для осуждения туземца, но приговорите к повешению, всё-таки белый человек, хоть и скотина. С француза не спускайте глаз, как бы не догадываясь о пакостных сторонах его интимной жизни. Вы, – обратился он уже к Делузи, – оказались правы, капитан, оставив его на свободе в виде приманки. Ну, кто же мог подумать, что для этого американского подонка с аморальным прошлым идеи свободы от совести дороже собственной жизни? – и с этими словами полковник покинул зал, обойдя меня далеко стороной и зажимая нос кружевным платком, а за ним следом потянулись и Хью с Крисом.

– Капитан, – прошептал я разбитыми губами, – ты уже всё знал, когда говорил мне о времени штурма?

– Конечно, – снизошёл до ответа тот. – Мы предполагали, что ты сообщишь каким-то образом об этом своему идейному вождю. А штурм начали днём позже для того, чтобы Пандит, ещё до начала ведения истинных военных действий с нашей стороны, начал смертельную схватку с султаном за золото, а заодно перестал доверять тебе, – и заметил своему другу: – Хью, перестань топтать этот навоз ногами, испачкаешься.

На смену моим мучителям явился трибунал, состоящий из двух солдат с сержантом во главе. Не утруждая себя официальной частью, они приговорили меня к смертной казни через повешение на рассвете завтрашнего дня.

Вот и всё. Я умру без покаяния. Не зря кричала птица гелло в ту памятную ночь.

Меня вновь прогнали прикладами через площадь в каземат и, проведя по длинному коридору со многими дверьми в помещения неясного мне назначения, бросили в знакомую камеру.

Избитый физически и растоптанный морально, я проклинал день и час встречи с Вождём. Всё было так понятно на просторах родных прерий: товар – деньги – товар, а если немного удачи, то и большие деньги. А тут: идея – товар, а деньги – революция, которая, правда, не всем, но делает большие деньги. Лишнее звено в золотой цепи получается.

И вот я, как распоследняя жертва строительства будущего мироздания, валялся на холодном полу и вытирал кровавые сопли рукавом, позабыв все приличия светской жизни. Пройдёт немного времени, и моё остывающее тело будет синей торбой мотаться на верёвке под порывами злобного ветра на радость прожорливым грифам. Его будет нещадно испепелять солнце, сечь холодные дожди, и никто не поспешит укрыть бранные останки полкой своего сюртука. Впрочем, долго повисеть не хватит ни сил, ни времени. Вдоволь полюбовавшись на висельника, англичане выкинут меня в ров, где зубы шакалов и гиен быстро расправятся с Диком Блудом, порвав его на части. И только обглоданные кости будут ещё долго напоминать миру о безвременной кончине славного янки. Хорошо ещё, что рядом со мной будет Жан, а если повезёт, то и сам Вождь. Ведь висеть в компании намного престижнее, да и есть за кого зацепиться при случае.

Я рыдал в голос, отбросив ложный стыд, и готовился мужественно влезть в петлю. Перед кончиной я плюну в своих палачей и выкрикну лозунг о торжестве загробной справедливости, умирая героем.

Творить молитвы я уже не мог. Есть не хотелось. Спать – тоже. Даже предсмертная жажда не томила меня. Перед глазами проносились видения и вставали привидения, а одно из них, особо назойливое, даже трясло меня за плечи, в беззвучном крике распяливая рот. Но мне было не до потусторонних посетителей, ведь уже утром я буду с ними неспешно беседовать на равных.

– Дик, Дик, да очнитесь вы, наконец! Это я – отец Доменик, – вдруг как-то сразу в моё меркнувшее сознание ворвался знакомый голос, – пришёл помочь вам собраться в последний путь и вместе помолиться за упокой души.

Моя голова перестала мотаться из стороны в сторону, биясь о стены, глаза угнезились в свои орбиты, и я разглядел перед собой святого человека.

– О, безгрешный отец! Вы не оставили меня без покаяния, – и я начал целовать его праведные руки, орошая слезами и стоя на коленях.

– Успокойся, сын мой. У нас и так мало времени, – твёрдым пожатием руки, он как бы призывал меня прекратить истерические излияния и внять его словам.

Я пришёл в себя и уже осмысленно глянул в глаза божьему посланнику:

– Отец мой, я не виновен. Неужели господь может призвать к себе и заплутавшего в неведении агнеца?

– Раб божий, надейся на чудо, а когда небесный ангел вострубит о воссиянии утренней зари над грешною землёю, придёт господне воинство и освободит твою многострадальную душу от тенет клеветы и навета. А поведёт святых ратоборцев небесный посланник, кой и в подземной юдоли ведаёт о телесных муках твоих.

– Любезный отец мой, – горько вымолвил я, не понимая благолепного бреда святоши, – до меня ли богу и его сподвижникам? Утешил бы как-нибудь попроще.

– Не богохульствуй! – воскликнул Хервей, осердясь. – Да будет свидетелем воинство земное, – и он кивнул в сторону полуоткрытой двери камеры, – я хочу тебе добра и избавления от всяческих мук. Смирись, но и надейся, что господь приберёт тебя лишь в назначенный судьбою срок.

– Не на что уже надеяться, – опять взревел я и по тому, с каким гневом сверкнули глаза пастыря, понял, что терпение его на исходе.

– Сын ты мой, – раздельно и доступно, словно свихнувшемуся ещё до рождения, стал втолковывать мне благочинный. – С полудня и до вечера беспрестанно молился я, поминая добрым словом твоего ангела-хранителя, и он, услышав мя, явился пред очи мои в облике подземного духа с благой вестью о приемлемом, но тернистом пути спасения души твоей.

– Да оденутся камнем слова твои, святой отец, чтобы подпереть душу мою, уже готовую различать в тумане головы своей речи приснопамятного Перси Хервея.

– Слава создателю! – обрадовался наш священник, – твой разум приблизился к постижению истины слов моих. Уверовал ты в мудрость провидения, ведь на скрижалях книги судеб строка твоей жизни ещё не оборвана. Укрепись душой и телом, и путь твой во мраке позолотит солнечный луч надежды ещё до твоего восшествия на собственную Голгофу мирского судилища. Будь же готов к сему, возлюбленный брат мой, и благодать господня да ниспущется к тебе. Однако, время неумолимо истекает во прах, облегчи же душу свою исповедью и покаясь.

– Отче наш, иже еси, паки и паки, – воскликнул я. – Грешен тот, кто заточает безвинного. Я же почти чист перед совестью и людьми, поэтому с надеждой зрю в новый день. А сейчас оставь меня, я хочу в одиночестве петь псалмы и готовиться к достойной встрече утренней зари. Осанна и аминь!

– Слава тебе, господи! – воздел руки к сводам темницы благородный Перси. – Я наконец-то услышал слова не отрока, но мужа. А поелику помни, всё в руце Вседержателя и его ангелов, – и с этими словами проповедник покинул темницу.

Стражники закрыли дверь, и я остался наедине с надеждой.

Чем дольше я думал над словами верного богослова, тем яснее становился для меня их тайный смысл. Я боялся принять сон за явь, а поэтому снова и снова напрягал свой сотрясённый мозг обоих полушарий, перебирая в памяти всё, сказанное Домеником.

В конце концов мне стало ясно, что Вождь связался-таки с моими друзьями, и они готовятся освободить меня на пути из каземата к виселице. Это было правильное решение с их стороны, и хороший выход из создавшегося положения для меня. Тупоголовые охранники вряд ли смогли вникнуть в суть иносказаний отца Доменика, поэтому моё освобождение вполне было возможным. В наличии тайных ходов под крепостью я убедился сам, а в том, что их подземная сеть связана и с моею тюрьмой, можно было не сомневаться. Предки султана, вероятно, тоже были предусмотрительными людьми.

Придя к такому выводу, я повеселел и стал готовиться к побегу. Ощупав достигаемые части тела, я убедился в их исправности, и если не считать лицевой части, всё остальное было на ходу. Личность же моя, хоть и опухла, по-восточному раздавшись вширь, оставалась на ощупь знакомой, поэтому не хотелось думать, что меня спутают со стражником. Оконечности дёргались сообразно желаниям головы, а в целом я оставался единым живым механизмом, способным самостоятельно передвигаться тихим ходом по ровной местности.

Так, за радостными сборами в дорогу, я скрашивал свои, надеясь, что не предсмертные часы.

И вот время моего вызволения наступило. Я услышал скрежет отодвигаемого засова, дверь тяжело отворилась, и в камеру ввалился медноголовый Хью.

– Собирайся, вшивый повстанец, – зло прорычал он, обдав меня запахом свежего перегара. – До рассвета есть ещё немного времени. Мы решили для устрашения всех твоих друзей, так их раз этак, придать тебе более достойный вид и не оставить живого места. То, что от тебя останется, заставит Пандита зашевелиться в своей берлоге.

– Друг, – уже к стражнику обратился он, – проводи мистера за мной. Я тут присмотрел комнатёнку, где нам никто не помешает поговорить с ним с глазу на глаз.

Запираться мне было особо нечего, и я смело последовал за палачом, втайне радуясь, что этот рыжий павиан станет первым трупом на пути моего отмщения.

Мы медленно двигались по коридору, и я каждую секунду ожидал нападения моих освободителей на конвой. За каждой дверью, встречающейся на нашем пути, мне чудились притаившиеся друзья, готовые с оружием в руках броситься ко мне на выручку. А чем ближе мы подходили к выходу, тем всё более крепла во мне уверенность в скором освобождении.

Идеальное место засады возле выхода мы миновали беспрепятственно, а когда вышли на площадь и направились ко дворцу, во мне пробудился червь сомнения. Где же обещанная свобода? Может она таится под сводами дворца? Но лишь глухое эхо шагов было мне ответом.

Во дворце свободой и не пахло, но присутствовало много отдыхающих солдат, на живописные группы которых мы постоянно натыкались, продвигаясь вглубь его по коридорам и проходным залам. Наконец Хью остановился возле низкой и обитой железом дверью.

– Дружок, – обратился он к стражнику, – посторожи-ка нас снаружи, чтоб не мешали любопытные. Мы с мистером побеседуем наедине в этих покоях. Когда ты потребуешься, я кликну, а если услышишь вопли, не обращай внимания – это мистер под моим руководством будет развивать голосовые связки для будущих речей в парламенте, – и он дико заржал своей нелепой шутке.

С этими словами Медноголовый ударом ноги распахнул дверь и, втолкнув меня в помещение, тут же затворил её, как бы заслоняя ею внутреннее убранство комнаты от нескромного взгляда. Да, здесь было что скрывать. В небольшом и скудно освещённом пламенем жаровни застенке ждали своего часа всевозможные орудия пытки. Из стен торчали крючья и кольца, с потолка свисали разного назначения петли и подреберные захваты, в одном углу корчилась дыба, а в другом некое подобие верстака с раздвижными колодками и винтами. В огне жаровни калились клейма и какие-то обручи. Мне сделалось дурно.

Медноголовый тем временем, защёлкнув на моей правой руке наручник, прикованный к свисающей с потолка цепи, уже любовно рассматривал рабочий инструмент на столе посреди пыточного кабинета. Он демонстрировал мне щипцы и щипчики, пощёлкивая их заострёнными клыками, измерял длину каких-то спиц, прикладывая их поверх собственных корявых пальцев, проверял на глаз разводку крупнозубых пил и, в целом, вёл себя как ребёнок в лавке с игрушками. Он заговорщицки подмигивал мне, примериваясь тесаком к собственному уху, и, смеясь, присаживался на заострённый кол.

Признаться, я и сам люблю добрую солёную шутку в кругу друзей. Например, подрезать стремена во время родео, подпилить сваю под мостом на пути свадебного кортежа, на худой конец, выстрелить над головой у посиневшего от натуги приятеля под кустом, но надо знать и меру. Здесь же я начал завидовать последнему сипаю, привязанному к жерлу пушки, тем более, что на всём этом снаряжении печать забвения отсутствовала напрочь. Видимо султан, а затем и англичане, не баловали неугодных мягкотелостью и высоконравственностью собственных натур. В воздухе до сих пор держался запах свежепалёного мяса. Мне становилось всё дурнее и дурнее.

Совсем в ином настроении пребывал мой палач. Он любовно опробовал исправность винтов костедробильного аппарата, подточил кой-какие иглы и поплевал на раскалённый металл зазубренных когтей, приговаривая при этом:

– Вот это под ноготочки, это под рёбрышки, а вот этим удлиним ножку на пару футов, это же в самый раз влезет в глаз.

Я висел на одной руке, как акробат на трапедии, не чувствуя под ногами опоры. И мне сейчас было бы во сто крат спокойнее болтаться на площади под присмотром полка солдат, нежели никнуть здесь на глазах одного Медноголового.

– Ну что, борец за идею, приступим? – начал изгаляться бывший собутыльник. – Знаешь, Дик, мне плевать на сокровища султана, до которых ты большой охотник, но я зверею, когда слышу, что эти деньги могут достаться разного рода смутьянам и подстрекателям, мешающим спокойному процветанию колоний. Я, как резидент английской разведки в Пондишери, многое мог бы рассказать о твоих сподвижниках, но мало кто из них пошёл бы на смерть ради идеи так спокойно, как ты. Поэтому-то твоя милость так и опасна нашему режиму. Я уверен, ты и под пыткой не проронишь ни звука, хотя это уже и не важно. Припугнём твоей смертью француза, выйдем на яйцеголового Гуру и всех остальных, тогда-то я и посмотрю, кто из них сравнится с тобой в стойкости. К тому же, лишняя практика мне не помешает.

За это время монолога палача я успел перевести дух и свыкнуться с обстановкой, поэтому смог ввязаться в разговор, надеясь протянуть время до подхода друзей, на помощь которых по-прежнему рассчитывал.

– Хью, – спросил я, – а почему вы не схватили Пандита-гуру ещё в наших развалинах, когда он посетил нас?

– Да я предлагал, но меня Крис не стал слушать, – в голосе Медноголового послышалась обида, и я догадался, что его недовольство необходимо поддерживать и в дальнейшем. – С тобой можно и поговорить, всё равно ты не жилец. Я предлагал не канителиться с вами, но капитану требовались сокровища султана, а взять их силами одних улан он не мог, вот и приходилось оставлять вас в покое до прихода шотландцев. Да мы ничем и не рисковали, а у меня просто руки чесались поскорее добраться до вас.

– А если бы мы все укрылись в крепости ещё до её штурма?

– Так за вами же следили мои туземцы! Ловко же я подсунул их вам ещё в Калькутте! Всё изначально шло по нашему плану.

– И ты участвовал в разработке этого плана, – польстил я ему.

– Ещё в Пандишери у мадам Амфу, когда я услышал от вас о Гоурдвар-Сикри, вы оказались у меня на крючке. Об участии Пандита в восстании наша разведка знала из донесений Делузи, так что оставалось только не спускать с вас глаз, а вы уж сами вывели нас на вашего Вождя. Я не мог только предположить, что вы воспользуетесь слоном и раньше экспедиции Говелака придёте к крепости. Поэтому и мне пришлось следовать за вами на лошади. Но и это оказалось нам на руку. Пандит оступился в бдительности и показался на глаза, а то до сей поры мы ловили какого-то оборотня. Теперь смотри, как мы всё точно рассчитали. Вы шпионите за нами, мы же предоставляем вам полную свободу действий, вплоть до поступления к нам на службу. С приходом шотландцев, вы передаёте в крепость известие о времени штурма, а Пандит, понимая, что падение цитадели неминуемо, вместе с султаном начинает укрывать сокровища. Затем, перед самым сражением, чтоб некогда было разбираться, что к чему, авантюрист-гуру убирает хозяина замка и становится владельцем всех богатств. В дальнейшем Пандит тихо сидит на сундуках с золотом где-нибудь в укрытии, а выждав подходящий момент, связывается со своими сообщниками, и тогда они все вместе выносят сокровища из крепости в удобное для этого время. Ведь без внешней связи Пандиту никак не обойтись. Я прав?

– Прав, – признался я. – А что же дальше?

– А дальше, – продолжил Хью, – мы отодвигаем время штурма и довольно легко берём крепость, так как руководить обороной некому. И всё это благодаря Пандиту. Самое интересное, что у этого бандита всё получилось бы, не будь вы с французом у нас на крючке. Да и восстание-то он затеял вероятнее всего ради золота султана, пообещав ему поддержку со всех сторон. Ну а при теперешнем раскладе, стоять Пандиту передо мной и на твоём месте не позже, чем через пару дней. Теперь-то я утолил твоё любопытство, мой очень дорогой Дик?

– Не совсем, – отозвался я. – Мне теперь совершенно не ясно, зачем меня вешать, а тем более пытаться? Не разумнее ли отпустить с миром?

– Сначала мы так и хотели, Дик, когда узнали о встрече с Пандитом. Но ты же сам полез в петлю, отрицая достоверные вещи и не поддаваясь перевербовке. А теперь у нас с тобой нет выбора. Мы тебя вывесим для устрашения твоих же друзей, и, поверь мне, после окончания нашего разговора тебе будет чем покрасоваться перед ними. К тому же, твоя казнь заставит поторопиться мнимого гуру. Он ведь не знает, что ты мог рассказать нам. Тем более, что твоё освобождение сорвалось.

– Какое освобождение? – заорал я в ужасе.

– Как будто ты не знаешь! Ведь божий слуга, этот святоша, который был у нас вне подозрений, предупредил тебя о готовящемся побеге. Но ваши слуги вовремя донесли нам о готовящейся акции, ведь их, в свою очередь, за неимением лучшего, тоже привлекли к незаконной операции. Поэтому-то каземат и дворец охраняются солдатами особенно тщательно.

– И вы арестовали Жана и остальных? – упавшим голосом спросил я.

– А зачем? Пандит не выходит из своей конуры, брать связника-махрата без толку. Он хитёр и предан гуру, как и ты. Пусть общается с твоими друзьями. Подождём, пока туземцы узнают тайны подземелий. Они-то и приведут нас к бунтовщику и его золоту. Тем более, что после нашего с тобой разговора ждать останется не долго. Вот видишь, ты теперь знаешь много лишнего, чтобы оставаться в живых. Пора мне заняться делом, голубок.

А ведь Медноголовый был неплохим собеседником и актёром. Я вспомнил его капитаном яхты и не верил, что передо мной один и тот же человек. Я так и сказал ему, думая затронуть в его чёрствой душе какие-либо честолюбивые струны.

– Послушайте, Хью, – заканчивал я последнюю попытку договориться хотя бы о милосердии к беззащитному пленнику, то есть ко мне. – Вы глубоко ошибаетесь, принимая меня за ниспровергателя устоев и разжигателя бунтов. Меня соблазнило золото, а не блеск революционных идей. Повремените с казнью до поимки Пандита.

– Может, и ошибаюсь, – спокойно ответил палач, – но повременить не могу. Есть, в конце концов, приказ полковника, поэтому ты добросовестно исполнишь отведённую тебе роль в нашем спектакле. А после поимки Пандита, вполне возможно, что твои кости соберут в один мешок и захоронят с почестями в отдельной могиле, как безвинно пострадавшей из-за происков врагов жертвы. Так что для тебя всё не так плохо может и закончиться.

– Ты большая рыжая сволочь, – взревел я в надежде, что он прикончит меня сразу. – Я твоих и папу, и маму, а тебя и так, и этак, включая весь твой поганый род до седьмого колена по материнской линии...

Углубиться далее в его родословную мне не удалось, так как заплечных дел маэстро ударил меня каучуковой дубиной по голове, но особо не прицеливаясь.

Очнулся я от вылитого на меня ведра воды распротёртым на пыточном верстаке. Кровь заливала глаза, конечности произвольно дёргались, а в ушах бухал колокол, сквозь похоронный звон которого, прорывался в сознание голос палача:

– Слабоват ты, не то, что туземцы. Пришлось даже расковать, чтоб рука не оторвалась. Кому ты полным инвалидом понадобишься? Зато теперь с мордой у тебя полный порядок, родная мама не узнала бы, – делился он со мною наблюдениями, – а вот с остальными частями

пока неважно. Но ничего, сейчас переломаем тебя в нескольких местах – и хоть на выставку прикладного искусства, – и он стал вставлять мои ноги в отверстия колодок с винтами.

Я задёргался, как кролик в силках.

– Лежи спокойно, – посоветовал изверг, – быстрее закончим, да и переломы будут закрытыми. А почувствуешь, что невтерпёж, но ещё при сознании, начинай орать, иногда это помогает, хотя ты вряд ли что почувствуешь, – разлепив мне пальцем веки, уточнил он. Наверно, единственный раз в жизни я послушался доброго совета. Ни до, ни после я уже не получал столь ценной подсказки. Возможно даже, что это было ниспослано свыше.

И я начал кричать. Я орал, не жалея голосовых связок и лёгких, вопил неподражаемо и бесконечно, голосил, как стая оголодавших гиен и рычал, попавшим в капкан ягуаром.

– Заткнись, бабий придаток! – не выдержал Медноголовый, зажимая мне рот ладонью. – Я ещё не успел закрепить твои копыта.

В ответ, изловчившись, я впился зубами в руку врага и почти вырвал из неё порядочный кусок грязного мяса. Хью в бешенстве отскочил от меня и, зажимая рану, твердо пообещал:

– Ну, сволочь, я и одной рукой выровняю твои рёбра, а потом лично подсажу на эту деревянную лошадку со щелью вдоль хребта, чтобы твои поношенные и бессмысленно болтающиеся между ног ятра, говоря библейским текстом, стали плоскими, как пустой кошелёк, – и, оторвав от своей рубахи рукав, стал бинтовать свою мерзкую лапу.

Заткнулся я самостоятельно. Нельзя было терять ни минуты. Пока он занят перевязкой, я должен раненым тигром вскочить с пыточного одра и ловким нацеленным ударом размозжить череп палачу первым же попавшимся под руку предметом, а затем дорого отдать свою жизнь в рукопашной схватке с остервенелым стражником, до времени таящимся за дверью. Я так и поступил, хотя и не довёл дело до конца. Израненное тело отказалось повиноваться своему хозяину. И мало того, должно быть от невероятного напряжения мысли, сознание начало туманиться, до слуха донеслись потусторонние шорохи и скрипы, словно кто-то двигал по полу пустой гроб, а прямо надо мной в потолке, сама собой разверзлась тёмная дыра, видимо для пропуска на небеса мою отлетающую душу. Я со смирением стал ожидать кончины.

Но вдруг, из этой замогильной тьмы высунулась смуглая рука со змеёй в кулаке. Ползучей тварью была кобра, а в напряжённых извивах её тела ясно угадывалась готовность к атаке. Таким азиатским способом господь посылал мне избавление от мук, и я взирал на гада с любовью и вождением.

Но я ошибся. Вдруг рука резко дёрнулась и, выпуская кобру, точно рассчитанным движением направила её полёт прямо на плечи Медноголового, увлечённо зализывающего свои раны.

Почувствовав на загривке холодное тело гадины, рыжий пёс, вместо того, чтобы прикинуться замшелым столбом, как учат заклинатели и факиры, начал от неё отбиваться и размахивать клешнями, чем и спровоцировал смертельный укус в свою шею неприхотливой к пище тварью.

Стряхнув, наконец, с себя прилипчивое пресмыкающееся и признав в животном кобру, Хью мгновенно из хозяина жизни превратился в её изгоя. Он сразу потерял интерес к окружающему миру и ко мне в том числе, что было вполне естественно в его теперешнем интересном положении. Ужас, опережая действие яда, парализовал Медноголового. Лицо злодея побледнело, как солнце родной Ирландии на исходе лета, по телу пробежала первая неконтролируемая дрожь, а глаза застыли остекленевшей тоской.

Почувствовав прилив сил от вида павшего противника, я было вскочил со смертного ложа, но колодки сдержали мой естественный порыв к свободе, и мне пришлось вновь брякнуться на прежнее место, ударившись слабой головой о дерево верстака. Сознание покинуло меня так быстро, словно его и век не было в моих мозгах.

Глава 7 СЕДЬМАЯ ЖЕРТВА

Я валялся под нещадно палящим солнцем и кормил собою мух. Они свободно перемещались по лицу, особо назойливо толпясь у губ и ноздрей, мешали дышать, чего не очень-то и хотелось из-за физически ощутимой плотности воздуха, горячего и смрадного. Нестерпимая вонь разлагающейся плоти терзала сознание и внутренности. Тела не чувствовалось, словно я состоял из одной головы, неразумно оставленной туловищем без присмотра. Она подумала, что надо хоть к чему-то подготовиться и открыла глаза.

Потусторонний мир мне представлялся несколько иначе. С кое-каким населением и справедливом судом, но без земных мук. Так как я умер на индийской земле, то приступить к новой животной жизни должен был без особой волокиты со стороны местных богов. Учитывая моё терпимое отношение к Шиве, Вишну и остальным небожителям, я вполне мог переселиться в благородного оленя, а лучше в слона, пусть и без надменности, но при впечатляющей силе.

До слуха донеслись вкрадчивые шорохи и довольное урчание. Кто-то дёрнул мою голову за ноги, слегка пробуя их на вкус острым клыком. Я обиделся и взглянул в сторону нарушителя моего скорбного ону нарушителя моего скорбного момента расставания души с телом. Возле ног стоял я, но уже в образе шакала, и смотрел на свои жалкие останки. Я понял, что раздвоился и сошёл с ума.

До этого бывать сумасшедшим мне как-то не приходилось, поэтому было чрезвычайно любопытно испытывать новое безмозглое состояние. И хоть я был помешан тихо, а значит надолго, всё же не вытерпел и укусил себя за ногу. Нога от боли взбрыкнула и ударила шакала в морду. Трупоед недовольно отпрянул, а я вдруг понял, что у меня острый приступ идиотизма.

Плюнув на свои немощи, я кое-как сел, совершенно расстроив предобеденные планы мерзкого животного, и осмотрелся вокруг. Предо мной расстиралось зловонное болото с чахлой растительностью по краям. По его зыбкому берегу, там и сям виднелись разложившиеся, и не очень, человеческие останки. Обожравшиеся грифы и вороны не спеша прогуливались среди трупов, изредка отдирая от них лакомый кусок или склёвывая выкатившийся из-под века глаз. Белые жирные черви, способствуя разложению мёртвых тел, деловито копошились в этом гниющем желе. Обглоданные кости, с неотслоившимися порой волокнами сухожилий, безмолвно свидетельствовали, что трупам и ночью не было покоя от приставания четвероногих прихлебателей. Разного рода насекомые тучей висели над болотом, не зная забот в поисках пропитания. Сидя, болотный смрад ощущался сильнее, чем в лежащем положении. Меня вырвало желчью и стало легче. Пора было что-то предпринимать.

Кое-как встав, я тенью поплёлся вдоль довольно широкого ручья, впадавшего в болото. Когда воздух посвежел, я лёг на берег и опустил голову в холодный поток. После нескольких повторений этой процедуры, стал почти жизнеспособен, хотя и не твёрд памятью.

Скоро я подошёл к невысокому холму, из-под которого вырывался этот ручей на волю, и опустился на землю под невысокой пальмирой, силясь восстановить в памяти недавнее прошлое. Постепенно сознание прояснилось настолько, что я припомнил почти все предшествующие события.

После поспешной гибели Медноголового Хью, я пришёл в чувство от потока воды, хлынувшего из люка в потолке. И сразу же услышал приглушённый голос, окликавший меня сверху:

– Пусть Сердар не пугается и не кричит. С ним хочет говорить его Коллени.

Боже мой! Голос этой, невидимой вдовы султана, прозвучал для меня, как полковая труба для боевой лошади. В глазах женщины я не мог выглядеть безвольным истуканом и пришибленной жертвой. Я мгновенно ощутил прилив жизненных сил и возвратившееся присутствие духа, да к тому же Медноголовый уже никак не мог помешать моему возрождению.

Из дальнейших разъяснений Коллени я понял, что они с Онилой всё ещё находятся в своих потайных апартаментах, томясь неизвестностью о событиях во дворце. И сейчас в очередной раз делились воспоминаниями о былом, теряясь в догадках о причине отсутствия белых господ, твёрдо веря в любовь с первого контакта. Вот за этим-то интересным занятием их и накрыл мой животный рёв. Обладая здоровым женским любопытством и отчасти зная причину подобных звуков, они поспешили к своему смотровому оконцу, находящемуся в углу будуара прямо над пыточной камерой. Султан, заботящийся о воспитании жён, всегда позволял населению гарема, особенно провинившейся его части, наблюдать за ходом костоломного процесса, тем более что материал для наглядных опытов всегда находился под рукой и в достаточном количестве. Порой жёнам, наиболее любимым, позволялись шалости с кобрами, запасы которых тоже не иссякали. Вот этот-то навык и позволил Коллени избавить меня от Медноголового.

Далее женщина поведала мне о существовании некоего колодца в этой же камере, через который сбрасывали уже неживой и отработанный материал прямо в подземный поток. Куда он выносил трупы, Коллени не знала, но то, что не к воротам Эдема, была уверена. Так как я был ещё живой, она посоветовала подойти к колодцу и поймать любезно брошенную уже для меня кобру, но если Сердар пожелает, то можно и кинжал. Женщина хорошо понимала, что возврата к живым из этого застенка нет, и помогала мне, чем могла.

Я не стал спешить с самоустранением. Освободившись от колодок, направился на поиски колодца. Действительно, у дальней стены я обнаружил небольшую каменную плиту с кольцом, а когда, поднатужившись, сдвинул её в сторону, увидел и сам колодец. Он был довольно узок и явно рассчитан на одного, но ведь и у палачей вряд ли были проблемы со временем. Я бросил в тёмную пасть этой дыры какой-то пыточный предмет, оказавшийся под рукой, и по далёкому всплеску понял, что до потока не рукой подать, а лететь и лететь обыкновенным мешком с мякиной. Затем пошёл побеседовать с Коллени.

– Свет очей моих, – проникновенно заговорил я, задрал голову к потолку, – с меня хватит и одной кобры. Лучше одари своим кинжалом. Мужчине пристойнее умереть от оружия, чтобы не выглядеть презренным трусом на суде Индры. А теперь закрой окно и удались, женщина! Твой господин в одиночестве желает попрощаться с этим миром. Да будет благосклонен Шива к твоей судьбе!

Получив оружие и избавившись от свидетельницы, я привязал к своему телу рукавом рубахи Хью, подошёл к краю колодца и, помянув христианского бога, прыгнул в чёрную бездну.

* * *

Подробности моего плавания под землёй видимо навсегда стёрлись в памяти. Отрывочно помню, что несло меня потоком скоро и уверенно, часто ударяя о стены и своды русла, что порой захлёбывался от водного изобилия и что особенно туго пришлось во время моего выброса из подземных недр. А уж как я выкарабкался на край болота, осталось для меня неразрешимой задачей. Но, не смотря ни на что, я остался жив, хоть и не знал, где нахожусь и куда направлю свои стопы. Стараясь определиться по солнцу, я запутался в небесной механике и в преддверии ночи начал было впадать в тоску от одиночества. Но тут, как раз вовремя предо мной предстал проводник к человеческому жилью. Это был шпион и предатель Рама-Сита.

– Сердар, ты наверно устал ждать меня? – по-английски просто спросил он. – Я пришёл помочь тебе.

А за его спиной виднелась куча туземцев, уже приготовившая длинный шест и связки лиан для моей транспортировки.

– Проклятый изменник, что ещё ты собираешься сделать со мной? – только и смог я задать никчемный вопрос.

– У нас не близкая дорога, надо спешить, – ответил он, не вдаваясь в подробности, и подал знак своим головорезам. Туземцы умело опутали меня по рукам и ногам, не жалея лиан, приторочили к шесту и, завязав глаза пальмовыми листьями, взвалили к себе на плечи. Часто подменяя друг друга, скорее бегом, нежели шагом, они без остановок потащили меня через джунгли только им известной тропой. Так, выскользнув из силков англичан, я попал в ловушку туземцев. Что они-то уж спустят шкуру с белого человека, я не сомневался, болтаясь на шесте как гамак с ещё тёплым покойником.

Сколько меня тащили, я не помню. Видно, треволнения прошедшего дня отключили меня начисто. Очнулся оттого, что кто-то осторожно тряс меня за плечо. Это был мой чёрный ангел.

– Сердар, – обратился он ко мне, – до утреннего жертвоприношения осталось совсем немного времени. Отдохни и выпей из этого кувшина, – и он указал на стоящий рядом тыквенный сосуд. – Питьё поможет восстановить твои силы. Надо, чтобы ты предстал перед богиней Кали на празднике великой Пуджи сильным воином. Жди, я скоро приду к тебе, чтобы подготовить к обряду.

С этими словами проклятый индус покинул меня со всем своим воинством, и я остался один на один со своей горькой судьбой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.